

Лев Копелев

**О ПРАВДЕ
И ТЕРПИМОСТИ**

KHRONIKA PRESS NEW YORK 1982

Лев Копелев

О ПРАВДЕ И ТЕРПИМОСТИ

KHRONIKA PRESS NEW YORK 1982

Lev Kopelev

ABOUT TRUTH AND TOLERANCE

Copyright 1982 by Khronika Press

Published by:

Khronika Press
505 Eighth Avenue,
New York, N.Y. 10018

Manufactured in the U.S.A.

**ДРУЗЬЯМ
И ЧЕСТНЫМ ПРОТИВНИКАМ**

СОДЕРЖАНИЕ

Чему история научила меня	5
Ложь победима только правдой	17
О "еврейском вопросе" в СССР (Письмо Р. Медведеву)	54
От рода к человечеству	67
<i>Р. Орлова, Л. Копелев. Истоки чуда</i>	78
Не покладать оружия слова	82

ЧЕМУ ИСТОРИЯ НАУЧИЛА МЕНЯ

*Wer sich selbst und andere kennt,
Wird auch hier erkennen:
Orient und Occident
Sind nicht mehr zu trennen.*

Goethe

1

Всем, кто откликнулся добрым словом на мою книгу "Хранить вечно" (1976), я сердечно благодарен. Однако понимаю, что одобрение вызывается прежде всего темой, известной новизной материала. Поэтому похвальные отзывы не вызывают у меня самодовольства. А самые суровые литературно-критические суждения я принимаю безропотно. Со многими из них согласен. Однако в тех случаях, когда из моей книги вычитывают или в нее "вчитывают" такое, чего там нет и не может быть, я вынужден возражать.

Отрывки, опубликованные в журнале "ЦАЙТ-магазин" (№№8-16, 1976) были так выбраны, смонтированы под сенсационно-газетными подзаголовками и так проиллюстрированы, что приобретали смысл, далекий и чуждый тому, что я писал.

Об этом свидетельствовали и некоторые читательские письма, приведенные журналом. Клаус Бельде из Бохума призывал "похоронить яд" и не "бередить старых ран". Фредерика Вюнш из Ольденбурга печально спрашивала: "Что ж мы хотим — всегда противопоставлять ненависть ненависти?"

Читать это было тем более горько, что я не мог не признать — их упреки оправданы характером публикации.

Многие немецкие читатели, — судя по большинству рецензий — увидели главный смысл книги в главе о Восточной Пруссии: бывший советский офицер сам рассказал о жестоких бесчинствах, которые творили его товарищи. Однако эта глава — только

* Статья, опубликованная в газете "Ди Цайт" в 1977 г., как "Письмо немецким читателям".

часть книги (42 из 729 страниц русского и 43 из 615 страниц немецкого издания). Такая субъективная "абerrация" восприятия естественна именно у немецких читателей. Но противоестественно, когда кое-кто пытается навязывать моей книге роль защитного свидетельства в безнадежном процессе реабилитации нацистской империи и нацистского вермахта.

Неужели слепая жестокость мстителей и преступления тех негодяев, которые своекорыстно притворялись мстителями, могут оправдать или даже только ослабить вину преступников, чьи злодеяния возбудили жажду мести, служили аргументами для самых беспощадных проповедников расплаты?

Тогда, зимой 1945 года, многие в нашей армии были возмущены и потрясены так же, как я, и не менее решительно осуждали мстительную ярость и другие низменные инстинкты, возникшие у иных солдат за четыре года войны на всех путях от Волги до Одера, и жестокие страсти, высвобожденные в угаре победного наступления. Многие противодействовали насилиям и мародерству куда более успешно, чем я. В моей книге приведены (хотя, может быть, недостаточно подробно) конкретные примеры такого противодействия, которые оказывали и рядовые солдаты и маршал Рокоссовский.

События в Восточной Пруссии стали рубежными, переломными в моей судьбе. Но ведь не только они, а еще и другие обстоятельства привели меня в тюрьму, в лагеря и много лет спустя побудили писать.

На протяжении полутора десятилетий я вспоминал о разных событиях моей жизни. Пока лишь часть этих записей стала книгой, которая возникла вовсе не потому, что я хотел оправдываться или жаловаться на злоключения.

Прежде всего я должен был рассказать правду своим детям и внукам, своим соотечественникам, моим ровесникам, правду о том, как жил, что мы действительно думали и чувствовали в пору самых трудных, самых противоречивых и самых жестоких испытаний нашего народа.

"Мы дети страшных лет России/ Забыть не в силах ничего." Эти слова великого поэта Александра Блока стали эпитафией-девизом для всего, что я написал. Исповедываясь, объясняя себе и другим, что же происходило со мной и со мне подобными в те годы, я хотел рассказать еще и о мучениках, жертвах нашей жестокой эпохи, память о которых могла бы исчезнуть

бесследно. Хотел поблагодарить всех добрых людей, которых мне посчастливилось встретить. И хотел назвать негодяев.

Слово — единственное допустимое для меня оружие и в борьбе идей, и для личного возмездия.

Первоначально я не собирался публиковать ничего при жизни и уж менее всего за рубежом, на других языках. Когда я все же решился на то, чтобы издать ту часть воспоминаний, которая стала книгой "Хранить вечно", то лишь потому, что надеялся: она поможет взаимному пониманию и сближению людей, разделенных противоборствующими идеологиями, государственными границами, национальными и классовыми предрассудками. Сейчас я более всего хочу того же, что и Фредерика Вюнш из Ольденбурга, хочу помогать всем, кто стремится прерывать "цепные ракции" ненависти, безысходные мстительные расчеты взаимных обид, кровавые иски племенной вражды.

Поэтому особенно неприятны мне те отклики, в которых явственны прямо противоположные стремления. Так например, автор одного пространного читательского письма надеется, что моя книга поможет, чтобы заговорили "не только о *немецкой* вине" (подчеркнуто автором письма). Он же раздраженно упрекает Генриха Белля, который в послесловии "не мерит все стороны одною мерой", а, дескать, поддерживает "сказку о мнимом немецком нападении на мирный Советский Союз в 1941". Это же письмо и некоторые рецензии (например, в "Вестпройссе" 5 июня 1976) утверждают, что я умалчиваю о "польских националистических массовых преступлениях, обращенных против невинных людей из немецкого национального меньшинства в Польше", и ошибочно переадресовываю их, переиначиваю в "немецкие преступления".

2

Прежде чем возражать на такие упреки, я считаю нужным определить принципиальные различия в толковании некоторых общих понятий.

Когда речь идет о понятиях *нация* и *государство*, *личная* и *коллективная вина*, то иногда люди самых разных и даже взаимно враждебных идеологий рассуждают почти одинаково. Так, например, шовинисты разных наций и доктринеры разных партий склонны отождествлять или предельно сближать понятия

нации и государства, говорить о "национальной вине" и призывают к массовому возмездию за массовые злодеяния.

Такие взгляды мне чужды и неприемлемы. Не только потому, что они безнравственны, рождают ненависть, подозрительность и побуждают к новым жестоким злодеяниям, к оправданию грабительских войн, завоеваний, массовых расправ. Но и потому, что они изначально ложны, вырастают из мифов и предрассудков, из намеренно или невольно — "по привычке" — искаженных представлений об истории.

Им противоречат уроки истории — и той, которую мы познаем из документов, и той, которую сами испытали и продолжаем испытывать.

Немецкая нация и немецкая национальная культура возникли и развивались в прямом противоборстве с государственно-политическими традициями и материальными интересами большинства немецких королевств, княжеств, герцогств, "вольных городов" и т.д. Не только иноземные завоеватели, но и соплеменные власти, отечественное "политическое убожество" ("Deutsche Misere") были и остаются главными помехами и препятствиями на всех путях немецкого национального развития. Так было в эпоху Священной Римской Империи, в государстве Гогенцоллернов, в "тысячелетней империи" нацистов и в нынешней немецкой республике "реального социализма". Эту закономерность распознал уже Гете.

Германия? Но где ж она?

Не могу я найти эту страну.

Там, где начинается Германия просвещенная,

Там заканчивается политическая.

Подобные же антагонистические отношения нации и государства обнаруживает история России, Франции, Италии...

В частности и поэтому я убежден, что нельзя называть национальной виной преступления, совершенные государствами, армиями, политическими организациями. Преступления Ивана Грозного и Сталина, всех царских карателей и всех мародеров и насильников, бесчинствовавших в Восточной Пруссии в 1945 году, так же нелепо и несправедливо называть "русской виной", как преступления кайзеровской солдатни и гитлеровских палачей-истребителей народов нельзя полагать "немецкой виной".

Нация, народ не могут быть виноваты. Сколько бы людей ни участвовало в злодеяниях государства — его полиции, армии, террористических властей, — сколько бы людей ни было обмануто господствующей бесчеловечной идеологией, лживой пропагандой и т.п., большинство народа не может быть причастно к массовым преступлениям, творимым от "его имени". Как правило народ только страдает от них. И, наконец, каждая нация существует ведь не в одном отрезке исторического времени, а живет и в прошлом и в будущем, в древнейших традициях национальной культуры и в своих детях.

Горе народам, подавленным властью фанатиков, религиозных или политических изуверов, которые отравляют умы и души ненавистью к иноверцам, к инородцам, к соседним или завоеванным племенам! Горе нациям, поработленным тоталитарными режимами — горе, но не вина. Горе, но не месть.

Понятие национальной вины и принцип огульного возмездия целым народам наиболее последовательно выражены в обычаях варварской родовой мести, в ветхозаветных проклятиях "до седьмого колена". Темным духам племенной вражды противостоял светлый дух Нагорной проповеди. Отвергал, противостоял, но не уничтожил. Тщетным был призыв бороться "не против плоти и крови, но против начальств и властей, против правителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных" (Ефесянам, 6, 12). Снова и снова оживали эти духи злобы и внутри христианских церквей, в гонениях на язычников, евреев, еретиков, в крестовых походах, религиозных и национальных войнах.

Отвергнутые гуманистами и просветителями эти же варварские понятия возрождались во всех расистских теориях — пангерманских, панславянских, панмонгольских, антисемитских и сионистских, в преамбуле Версальского мирного договора, в проповедях "негритюда".

Все "национальные вины" — мифологичны. Однако реальные коллективные вины государственных учреждений, политических организаций, войсковых частей, судебных ведомств. И всего реальней, разумеется, личная вина, уголовная и нравственная ответственность каждого, кто участвует в действиях преступного коллектива, помогает им одобрением или равнодушным нейтралитетом.

Те, кто упрекает Генриха Белля в том, что он "односторонне" настаивает на "немецкой вине" и недооценивает "русскую", а меня в том, что я "замалчиваю польскую вину", и попутно уверяет, что в июне 1941 г. не было "немецкого нападения на мирный Советский Союз", исходят из мифических общих понятий. Отчасти это объяснимо, так сказать, инерцией мифологического мышления, цепкостью предрассудков, но именно эти конкретные утверждения сознательно искажают действительность, сознательно противоречат неоспоримым историческим фактам.

Гитлеровское государство через своих агентов всячески провоцировало и разжигало вражду между немецкими жителями Польши и их польскими согражданами. Гитлеровские армии вторглись в Польшу, сея смерть и опустошение. После этого в нескольких местах возбужденные националистами толпы начали громить помещения нацистских организаций, набрасывались и на невинных людей только за то, что они немцы. Слепая жестокость этих погромов может быть объяснена, но не оправдана их причинами. Но уж подавно ничто не может ни оправдать, ни ослабить вину тех, кто участвовал в несоизмеримо более жестоких массовых расправах, которые на протяжении всех последующих пяти лет систематически учиняли не возбужденные стихийными страстями толпы, а хладнокровные оккупационные власти, планомерные истребители польского населения — эсесовские и полицейские каратели...

В Польше и на Украине, в Белоруссии, в Смоленской и в Новгородской областях я видел пепелища десятков Лидице и Орадуров, слышал рассказы женщин и детей, чудом уцелевших после того, как в отместку за действия партизан каратели сжигали целые деревни, истребляли сотни невинных, беззащитных жителей.

Убежденные гитлеровцы и одураченные, развращенные или рабски покорные солдаты совершали чудовищные злодеяния. Ответственны те, кто их замышлял, кто отдавал и кто исполнял злодейские приказы, и те, кто их одобрял, оправдывал или скрывал, сознательно отрицая. Но объявлять все это виною нации несправедливо и опасно; ведь именно так создается непрерывность "цепных реакций" мести и ненависти. Тот, кто

пытается отрицать или оправдывать такие преступления, пусть даже из искреннего желания защитить национальное достоинство, и тем более тот, кто старается переадресовать их бывшим противникам, только вредит своему народу. Он ослепляет разум и оскверняет души соотечественников и провоцирует шовинистов другой стороны.

Именно так поступают сегодня все, полагающие возможным вывернуть наизнанку историю и возрождающие старую геббельсовскую сказку о "превентивном" нападении на СССР в июне 41 года.

Этой сказке немецкие солдаты верили только в самые первые недели войны. Тогда действительно едва ли не каждый пленный говорил, что "фюрер велел наступать на Россию, чтобы предотвратить внезапное нападение 180 русских дивизий, сосредоточенных на границе." Но год спустя уже ни один здравомыслящий военнослужащий в Германии не верил этому, т.к. весь ход войны однозначно свидетельствовал о том, что мы были застигнуты врасплох, что ни наша армия, ни промышленность, ни психология наших людей не были подготовлены к войне. Да и сам Геббельс уже летом 1942 совсем по-иному, цинично откровенно говорил: "Мы воюем не за трон и алтарь; это война за зерно, за хлеб, за изобильный стол к завтраку, обеду и ужину... это война за сырье, за каучук, за чугун, за сталь, это война за достойное человека национальное существование, которого мы раньше не могли себе позволить, как стыдливые бедняки..."

Нет, вопрос о том, кто на кого напал в июне 41 года, не может вызывать сомнений у серьезных историков. Но это, разумеется, не значит, что преступления Гитлера — "план Барбаросса", приказы расстреливать всех комиссаров, стратегические расчеты, предусматривающие уничтожение большинства жителей Ленинграда и Москвы, всех евреев, всех цыган, значительной части "расово неполноценного" или "избыточного" населения восточных пространств, могут оправдать преступления Сталина.

Не могут еще и потому, что Сталин не только объективно невольно, но во многих случаях и вполне сознательно помогал Гитлеру.

Это я понял сравнительно недавно. Еще и после XX съезда, после первых разоблачений того бесчеловечного режима, который у нас стыдливо называли "культом личности", пытаюсь объяснить и другим и себе, как же я мог стать убежденным

Сталиным, как мог ревностно служить сталинской власти и даже гордиться своей причастностью к силам, подавлявшим и обманывавшим моих сограждан, я прежде всего ссылался на фашизм, на то, что, мол, именно Сталин был наиболее про- ницательным, наиболее решительным противником Гитлера, Муссолини, японских империалистов, т.е. тех сил, которые грозили гибелью и порабощением нашей стране и всему чело- вечеству.

Но со временем я узнал новые факты, научился и по-новому — независимо от предвзятых аксиоматических доктрин и сакра- лизованных идеологических табу — размышлять и о том, что знал раньше. И убедился, что уже в 1930-1933 гг. Сталин объек- тивно помогал Гитлеру, понуждая немецких коммунистов сосре- дотачивать свои силы прежде всего на борьбе против социал-де- мократии. А в 1936-1939 гг. сталинская военная помощь Испан- ской республике была слишком ограниченной, чтобы решающим образом повлиять на ход гражданской войны, однако достаточ- ной для того, чтобы Гитлер и Муссолини могли, ссылаясь на советскую угрозу, посылать Франко сотни самолетов, тысячи танков, десятки тысяч кадровых войск. В 1936-1940 гг. Сталин и его палачи уничтожили, загнали в тюрьмы и лагеря огромное большинство генералов, адмиралов, старших офицеров, руково- дителей промышленности. Красная армия понесла за эти "мир- ные" годы такие потери, которых в истории не знала ни одна ар- мия, потерпевшая жесточайшее поражение. В 1939-1941 гг. Со- ветский Союз был главным поставщиком стратегического сырья для немецкой военной промышленности. Без нашей тогдашней помощи вермахт не смог бы так успешно воевать во все после- дующие годы. Материалист-прагматик Сталин, зная, как неоце- нима эта помощь для Германии, вероятно, именно поэтому так тупо доверял дружбе Гитлера, разоружая страну и материально, и морально.

Впрочем, и Гитлер в свою очередь не раз помогал враждеб- ному собрату. Гитлеровский террор и откровенно человеконе- навиственническая воинственная программа его партии побуждали миллионы людей видеть в Сталине и "меньшее зло" и даже выдающегося руководителя наиболее мощных антифашистских сил. Многие из нас, вероятно, никогда бы не превратились в сталинцев, если бы не было гитлеровщины. И, разумеется, мы

не знали, — тогда не поверили бы, — что в 1937 г. гестапо сотрудничало со сталинским НКВД, помогая сострять обвинение против маршала Тухачевского и ведущих военачальников Красной армии, а в 1940 году сотни немецких и австрийских антифашистов были прямо из советских тюрем переправлены в немецкие.

22 июня 1941 года Гитлер обрек свою империю на неминуемую гибель, но спас сталинский режим от распада и возможного крушения. Война, развязанная нацистами, стала Отечественной войной для русского народа и для большинства других народов Советского Союза, пробудила в них все лучшие силы. Вопреки поражениям и потерям, вопреки рационалистическим расчетам зарубежных стратегов эти силы нарастали с каждым годом. Наша народная война привела к заслуженному разгрому гитлеровского тоталитаризма. Но, одновременно, к незаслуженному торжеству сталинского. Ему содействовали и зверства оккупантов и бездарная стратегия фюрера...

4

”По сути никто не может научиться чему-либо из истории, потому что она содержит лишь множество глупостей и множество дурного.” Так сказал Гете 17 декабря 1824 г. (“Разговоры с Ф.Ф. Мюллером”). Но уже пять лет спустя он говорил по-иному. ”Об истории может судить лишь тот, кто сам пережил ее, кто на себе испытал историю. Так бывает и с целыми нациями”. (“Годы странствий Вильгельма Майстера”).

Многие поколения народов Европы испытали на себе жестокую историю нашего века. И как бы противоречивы и разнголосоы ни были ее оглушающие поучения, все же мне представляется, что мы можем и должны извлечь из них некие общие уроки.

... Родители моего отца и его сестра — самая мне близкая из теток — были расстреляны в октябре 1941 года в Киеве в Бабьем Яру; там за два дня уничтожили более 50000 киевлян еврейского происхождения. Оккупационные власти объявили об этой расправе, как о ”возмездии” за действия партизан, взорвавших здания, в которых размещались учреждения вермахта. Мой брат, сержант артиллерии, в том же году погиб в бою. Еще

несколько родственников постарше были расстреляны, повешены или "загазованы" в других городах, а молодые убиты на фронтах, умерли от ран... С тех пор многие из нашей родни говорили о немцах не иначе, как с ненавистью, отвращением, возмущались моим отцом, который был воспитан в гуманистических традициях русской интеллигенции и моим "догматическим" интернационализмом; возмущались тем, что мы отвергали требования массового возмездия, не хотели осуждать немецкую нацию в целом.

Подобно моим старым тетям и дядям рассуждали в первые послевоенные годы многие люди нашей страны — образованные и необразованные, старые и молодые, и те, кто пережил оккупацию, осаду Ленинграда, испытывал зверства карателей и "брандкоммандос", замыкавших планомерные отступления вермахта.

Из их исторического опыта, их воспоминаний выростали недоверие и ненависть. Их безоговорочно убеждала военная пропаганда, а позднее та великодержавная шовинистическая идеология, которая развилась в годы перзрелой сталинщины, да и пока еще не исчезла.

Но со временем, особенно в последние два десятилетия, эти недобрые чувства постепенно слабели, остывали. У новых поколений моих сограждан они, пожалуй, отсутствуют или ничтожно незначительны.

Такому благотворному развитию содействовали и содействуют многие силы. Прежде всего — гуманные традиции русской национальной культуры. А так же в значительной мере и творчество современных немецких писателей, которые рассказывают правду об опыте нашей общей истории. Наиболее популярны у нас и, пожалуй, наиболее действенны именно в исцелении душевных ран войны — романы и рассказы Генриха Белля. Произведения Томаса и Генриха Маннов, Брехта, Зегерс, Кеппена, Штриттматера, Кристи Вольф, Зигфрида Ленца, Пауля Шаллюка, Леонгарда Франка, Иоганна Бобровского и других современных немецких авторов издаются массовыми тиражами и мгновенно раскупаются.

Спрос на них не зависит от колебаний внешнеполитической температуры. Тем более странно бывает мне и моим друзьям читать в некоторых газетах или слушать по "Немецкой волне" упреки Беллю в избытке национальной самокритики и недостатке... патриотизма. Ведь, пожалуй, никто так, как он, не содейст-

вовал восстановлению "доброго имени немца", и не только у нас в стране.

Бывший варшавский повстанец, родители которого погибли под развалинами в дни первых воздушных налетов на Варшаву, а брат был замучен в концлагере, прочитал мою книгу по-немецки, прочитал послесловие Белля и сказал:

— Тридцать лет тому назад я бы это читать не стал. Сразу бы выбросил. Тогда я так ненавидел немцев — всех, как одного, — что думал: никогда не будет примирения, не может быть. И многие у нас в Польше также думали и чувствовали. Ведь что они сделали с нашим народом, с Варшавой! В те годы я просто не мог в руки взять немецкую книгу или газету. Не мог слышать их речи — в глазах темнело... Но время шло. Теперь и я, и мои дети, и приятели читаем их книги. Вот его — Белля — полюбили даже, и Грасса, и Бобровского, и других. Многие наши стали ездить туда в экскурсии, в гости. И не только за Одер, но и за Эльбу... И я видел, как Вилли Брандт стал на колени перед памятником Варшавскому гетто. Вот в тот момент я и почувствовал: нет во мне больше ненависти... Он опустился на колени и поднял свой народ. Понимаешь? Высоко поднял в наших глазах и в наших сердцах. Так я сознаю как поляк и как христианин. Иисус сказал: "...кто вознесет себя, тот будет унижен, а кто унижит себя, тот будет вознесен."

Эти слова, прозвучавшие впервые на рассвете нашей эры, и мне представляются сегодня одним из самых злободневных уроков новейшей истории.

Нет виновных народов, но есть виновные государства, толпы, коллективы и, главное, личности. Определять степень и меру чужой вины вправе лишь тот, чья совесть чиста, кто способен нелицеприятно судить. Но к себе самому должно быть наиболее взыскательным и строгим; нельзя оправдывать свое участие в дурных делах ни вынужденностью, ни малой значительностью, ни "идеалистическим бескорыстием".

Писать воспоминания я стал потому, что сознавал свою виновность. Но я уверен, что никакое раскаяние не искупит мою вину, не освободит меня от ответственности за все, что совершила партия, к которой я принадлежал и государство, которому я служил. Прошлого не изменить. Не будучи религиозен, я не

могу надеяться на отпущение... Все вины мои навсегда со мной. И это самоосуждение — не замаливание грехов, а просто необходимость, объективная и субъективная. Только осудив себя, решительно и безоговорочно, осудив свое прошлое, могу я продолжать жить. Потому что могу быть уверен: ничего подобного уже не повторю.

И только осудив себя, я обрел право спорить с другими, с теми, кто пытается отрицать, умалять или оправдывать свою подобную вину. Только так я могу противоборствовать новым угрозам, исходящим от вождей и пророков, которые "сами себя возносят".

А самый главный для меня урок новейшей истории — очень прост, хотя и особенно трудно усваивается. Это урок ПРАВДЫ И ТЕРПИМОСТИ.

Правда всегда была нужна. Способность признавать и самую горькую правду, вопреки личной пользе и самолюбию, вопреки предрассудкам и условностям племенной, сословной, национальной, партийной гордости, вопреки соображениям о церковных или государственных интересах, была всегда целебна и отдельным людям и народам.

Призывы любить и прощать ближних, даже врагов, прозвучали уже в первом столетии нашей эры, и с тех пор они остаются прекрасным, сверхчеловеческим идеалом "не от мира сего". Призывы Евангелия и всех добрых утопистов, мечтавших о счастье людей, проповеди Льва Толстого и Ганди, Альберта Швейцера и Мартина Лютера Кинга находили только малочисленных или временных последователей, а чаще были "голосами вопиющих в пустыне".

Но сегодня ПРАВДА И ТЕРПИМОСТЬ — уже не идеальные мечты, ОНИ НАСУЩНЫ И НЕОБХОДИМЫ. *Conditio sine qua non!*

Без них погибнет вся жизнь на земле. Безоговорочная правда и самая широкая терпимость, человеколюбие, преодолевающее все виды ненависти и вражды, необходимы, чтобы продолжало жить человечество.

Сентябрь-октябрь 1976 года

ЛОЖЬ ПОБЕДИМА ТОЛЬКО ПРАВДОЙ

12-13 февраля 1974 г.*

Александра Солженицына — великого писателя, борца за справедливость знают и чтут десятки миллионов людей доброй воли во всем мире. Александра Солженицына — человека — мне выпало счастье узнать двадцать семь лет тому назад. Я был вместе с ним — заключенным; переписывался с ним — ссыльным, тяжело больным, когда ему грозила смерть от рака; встречался с ним — школьным учителем; видел его писателем, который стремительно обрел всенародную и всемирную известность. Тогда им восхищались лучшие мастера нашей литературы: Ахматова, Твардовский, Чуковский, Паустовский, его восхваляли газеты и журналы, с почетом принимали в Кремле. Союз писателей выдвигал на Ленинскую премию, и перед ним заискивали знаменитые коллеги и сановники. Потом я наблюдал его прославленным нобелевским лауреатом и уже вновь гонимым, преследуемым клеветой, руганью, угрозами, но вместе с тем счастливым мужем и отцом, верным другом, неутомимым работником слова...

И всегда, везде, в горе и в радости, он оставался неколебимо целеустремленным, одержимым одной страстью — сознанием своего писательского, гражданского долга. Сознанием, что он должен высказать то, чего не сказали миллионы умолкших: казненных, убитых, замученных пытками, голодом, каторжным трудом, — чего не говорят миллионы безмолвных: обманутых, запуганных или скованных вязкой рутинной.

Александр Солженицын — прямой наследник благородных традиций русской литературы, традиций Герцена, Льва Толстого, Достоевского, Короленко, молодого Горького; он развивает наследство их действенного человеколюбия в беспримерном единоборстве с оглушительной ложью и всевластным насилием.

Арест Солженицына — тяжкий удар для него, для его семьи, друзей, читателей. Однако, в то же время, это — его новая нравственная победа, подтверждающая истинность и злободневность его последней книги. Этот арест — действие саморазоблачитель-

* Это заявление было написано в ночь после ареста Солженицына и на утро передано иностранным корреспондентам по телефону.

ного, безрассудного произвола. Но пока Солженицын в заключении, никто в нашей стране, да и во всем нашем неделимом мире не может чувствовать себя в безопасности.

1

Июнь-июль 1974 г.

”Письмо вождям...” было написано и отправлено в те дни сентября 1973 г., когда автора иступленно травили в печати, на собраниях, в специальных публичных лекциях. Казалось, вся необозримо огромная державная мощь — несметные силы казенной пропаганды, тысячи сановных и чиновных деятелей из управлений культуры, госбезопасности, внутренних дел, партийных, профсоюзных и иных ведомств — противостояли ему и академику А.Д. Сахарову. Против них ратовали прокуроры и академики, неутомимые филеры и народные артисты, скромные техники сыска и лауреаты наивысших премий по искусству и литературе, безымянные труженики — перлюстраторы писем, мастера подслушивания телефонных разговоров и авторы популярных романов, песен, фильмов...

Вопреки им всем, наперекор ежедневным, ежечасным угрозам, проклятиям, поношениям, Александр Солженицын писал воззвание, обращенное к ”Вождям Советского Союза”, пытаясь вразумить их, внушить им такие соображения, которые полагал спасительными для России.

Беспорное благородство и величие замысла как бы венчает многолетний поединок писателя с государством. Тем более внимательно и серьезно должно исследовать, как именно осуществлен этот замысел.

Литературные и гражданские подвиги Солженицына, его всемирная слава воздвигли такой высокий пьедестал, что каждое слово, произнесенное с этой высоты, разносится далеко, находит многих читателей и слушателей, минуя всех цензоров, одолевая все ”радиоглушилки”. Поэтому, когда автор ”Одного дня Ивана Денисовича” и ”Ракового корпуса” публикует теоретические трактаты, прорицания или призывы, то их значение и возможности воздействия на самых разных людей чрезвычайно велики.

"Письмо вождям..." содержит и некоторые существенно новые для автора суждения, и мысли, высказанные им уже раньше в письме к патриарху Пимену, в "Нобелевской лекции", в интервью и в статье "Мир и насилие" (август 1973 года). В то время, когда А. Солженицын жил в России, преследуемый клеветой и угрозами, любая — даже самая дружеская — критика могла бы стать пособничеством гонителям. Но теперь, когда он в безопасности, когда его изгнанием по сути лишь подтверждена его духовная победа над ложью и произволом, все явственней возникает необходимость беспристрастно рассматривать те исторические, социологические и политические взгляды, которые высказываются в его публицистике. Любые уступки или "фигуры умолчания", обоснованные ссылками на авторитет и заслуги, любые попытки создать вокруг автора ореол непогрешимости, неприкосновенности для критики только оскорбительны для его действительного достоинства и ведут к отступничеству от истины, от забот о благе России, т.е. именно от тех нравственных и общественных идеалов, которыми вдохновляется его творчество.

Следуя заповеди Пушкина — судить художника по законам, которые он сам себе устанавливает, рассмотрим "Письмо вождям...", исходя из принципов правдолюбия, патриотизма и христианской нравственности, т.е. тех принципов, которые А. Солженицын утверждает как законы своей жизни и творчества — и в беллетристическом опосредовании, и непосредственно в исповедальных признаниях и воззваниях. Будем следовать точно за ходом его мыслей и слов.

* * *

В первом разделе, озаглавленном "Запад на коленях", необычайно высоко оценены успехи внешней политики СССР ("царская Россия... никогда не имела успехов скольконибудь сравнимых"). Неудачи царской дипломатии объясняются не только ее "бюрократической неповоротливостью", но и "...некоторой долей идеализма", которая, дескать, мешала "...последовательно проводить в жизнь национальный эгоизм". Напротив, "...Сталин, без затруднений всегда переигрывавший Рузвельта, переиграл и Черчилля, взял не только все, что хотел в Европе и Азии, но даже вероятно и сверх своих ожиданий" и

”... западный мир как единая весомая сила... почти перестал существовать... Державы-победительницы без всяких внешних причин ослабели и одряхлели...”. ”Катастрофическое ослабление западного мира... главным образом результат исторического, психологического и нравственного кризиса всей той культуры и системы мировоззрения, которая зачалась в эпоху Возрождения и получила внешние формулировки у просветителей XVIII века...”

Эти вступительные суждения безоговорочно категоричны. Однако сталинская дипломатия вовсе не была такой всесильно победной и ”перевыполняющей” его планы. Скорее напротив. Так, например, захвата Дарданелл и Трапезунда он добивался еще в 1939-40 гг. в переговорах с Гитлером, но попытка реализовать эти давние притязания российского великодержавия, как и позднейшие попытки завладеть иранским Азербайджаном и Манчжурией, проникнуть в Грецию, проглотить Западный Берлин и Южную Корею, подавить Югославию, ”освоить” Синьцзян (китайский Туркестан), ”финляндизировать” все скандинавские страны, составляют длинный список грубых просчетов и поражений сталинской дипломатии.*

”Западный мир” никогда не был ”единой весомой силой”; блоки-союзы держав возникали в периоды войны и кризисов (наполеоновские войны, Крымская, первая мировая) и быстро распадались или перетасовывались. Пожалуй, первое реальное объединение ”Запада” возникло именно в 1947-1949 гг. в НАТО, став кошмаром и сталинского, и позднейшего хрущевского-брежневского великодержавия.

С другой стороны: царская дипломатия заслуженно имела репутацию одной из искуснейших в Европе — не даром Бисмарк называл себя учеником петербургской дипломатической школы. Успехи русских дипломатов прочно закрепили завоевания в Средней Азии и на Дальнем Востоке, присоединение Закавказья и подавление Польши вопреки всем полонофильским настроениям в Западной Европе.

Когда поражение в Крыму в 1854-55 гг. и тяжелые потери в 1877 г. ослабляли аргументацию царских послов, а страх перед

* С тех пор к ним прибавились: Египет, Сомали, Судан, Зимбабве.

нараставшей экспансией Российской империи объединял австрийских и немецких дипломатов с британскими или турецкими, и они переигрывали своих русских коллег, иные верноподданные журналисты вроде Каткова спешили объяснять неудачи их рыцарственным идеализмом. Но даже в те поры этому верили только очень наивные и несведущие патриоты. Потому что внешняя политика царей и их министров, начиная от Александра 1-го, который сделал своим агентом Талейрана, и вплоть до Витте, заплатившего самую низкую из всех возможных пеней за поражения в Манчжурии, Порт-Артуре и за Цусиму, — эта внешняя политика, включая и действительно злополучную дипломатию последних лет империи Романовых, никогда не страдала никаким идеализмом. И в успехах и в неудачах своих она всегда прагматично определялась интересами империи.

Таким образом *все основные положения* вступительного раздела по существу противоположны действительности. И при этом отнюдь не оригинальны. В них явственны отголоски "анти-западнических" настроений давних славянофилов и недавних "евразийцев" и "младороссов". А все течения европейской секуляризованной — освободившейся от религиозной догматики — мысли ("... зачались в эпоху Возрождения") с подобным же пафосом осуждали многие христианские, юдаистические и мусульманские богословы-ниспровергатели ренессансного, просветительского и всех иных видов научного и философского гуманизма. Эсхатологический накал этого раздела отражает — хотя и в несколько поверхностном преломлении — отблески мыслей культурпессимистов: Шопенгауэра, Ницше, Данилевского и Шпенглера.

Похвалы сталинской внешней политике, превозносимой за счет "идеалистических" дипломатов прошлого, служат лишь контрастным введением к иным и уже критическим тезисам.

"... Мы сами взрастили себе двух лютых врагов... германский вермахт и теперь маоцзедуновский Китай... мы вырастили Мао Цзе-дуна вместо миролюбивого соседа Чан-Кай ши".

Первая часть этого утверждения имеет некоторые основания. Правительство СССР в 1925-33 гг. предоставляло укрытия для тайных офицерских школ рейхсвера (Липецк, Вольск), а в

1939-41 гг. премудрый Сталин обеспечил военную промышленность райха стратегическим сырьем и прежде всего нефтью (в августе 1939 г. авиация, танки и автотранспорт вермахта располагали горючим едва на три месяца, а к июню 1941 года у них были запасы на пять лет). Однако "взрастили вермахт" не только — и даже менее всего — мы. А объяснять сталинскую помощь вермахту и Гитлеру "точным следованием указаниям марксизма-ленинизма" можно, либо абсолютно ничего не зная об этом предмете, либо, применяя в качестве полемического пропагандистского оружия заведомую неправду.

Трудно предположить, что автор и впрямь верит тем речам Сталина, Молотова и их казенных "теоретиков", в которых уныло повторялись пустопорожние фразы о верности принципам марксизма-ленинизма и тогда, когда они сообща с Гитлером учиняли четвертый раздел Польши, торжественно объявляли его войну против Франции и Англии "справедливой... национально-освободительной", когда Сталин игриво называл Берия "нашим Гиммлером" и, встречая новый, 1941-й год, пил "за здоровье фюрера, которого любит немецкий народ..."

Но тогда остается только предположить, что известное требование "жить не по лжи" относится лишь к одному виду лжи, опровергая которую полагается возможным очень далеко отступать от правды.

Тезис о "вращивании Мао Цзе-дуна" уже не просто далек от действительности, а прямо ей противоположен. Мао Цзе-дун "возрос" не благодаря, а вопреки всей сталинской политике в Китае — и коминтерновской и военно-дипломатической. Начиная с 1926-27 гг., когда Сталин, еще вместе с Бухариным, требовали от китайской компартии подчиняться Чан Кай-ши, и позднее, когда немногочисленные китайские сталинцы обвиняли Мао и его сторонников в "авантюризме", "партизанщине", "национал-крестьянском" и прочих уклонах, и вплоть до 1947-48 года, когда уже стал очевиден разгром гоминдановских армий и государства, — *Сталин только мешал маоистам*, не доверяя им, подозревая в троцкизме и национал-уклонизме. "Северный поход" армий Мао и Чжу-дэ был совершен в 1931-33 гг. вопреки указаниям Коминтерна. Мао был избран председателем КПК в 1935 г. вместо забаллотированного кандидата Коминтерна Ван Мина, через которого Сталин добивался от китайских коммунистов, чтобы они включились в "единый

антияпонский фронт под руководством генералиссимуса Чан Кай-ши". Начиная с 1931 года, когда японцы захватили Манчжурию и вплоть до 1945 г. Советский Союз всячески поддерживал именно "миролюбивого соседа Чан Кай-ши", снабжал его оружием, стратегическими товарами, посылал и военных советчиков и боевых летчиков, тогда как помощь "Особому району" и армиям коммунистов (4-й и 8-й) ограничивалась приветствиями и посылкой нескольких врачей и нескольких "политических" представителей, которые были фактически разведчиками-наблюдателями при руководстве КПК (см., напр., изданные недавно воспоминания Владимирова; в них пробалтывается то, о чем уже писали раньше американские и немецкие свидетели). В 1945 г., когда советские войска заняли Манчжурию, они не впустили туда войска китайских коммунистов. А когда в 1946 г. Сталин по требованию США и Англии велел стремительно эвакуировать Манчжурию, то Мао Цзэ-дуна известили об этом уже после того, как несколько дивизий Чан Кай-ши были на американских самолетах переброшены в Харбин и Мукден; таким образом армии Мао, расположенные значительно ближе, успели захватить лишь несколько складов старого японского вооружения, "великодушно" оставленных советскими братьями. (Зато были весьма основательно демонтированы железные дороги вблизи от районов, занятых коммунистическими армиями.) Вооружение этих армий в 1946-48 гг. было преимущественно трофейным — японским и американским — отнятым у гоминдановцев. Многие орудия и пулеметы советского производства они тоже получили, как трофеи, от капитулировавших генералов Чан Кай-ши. Успехи китайских коммунистов тревожили Сталина, а не радовали. Ведь именно в эти годы начался разрыв с Югославией, и потенциальный соперник на Дальнем Востоке — строптивый и непроницаемо скрытный Мао был, несомненно, более силен и опасен, чем Тито и его возможные последователи. Поэтому после окончательной, уже явно необратимой победы маоистов Сталин, под шум пропагандистской болтовни и приветственных фанфар, навязывал новому Китаю кабальные концессионные договоры, закреплялся на КВЖД, в военно-морских базах Порт-Артура и Дайрена, в Синьцзяне; с типично сталинским цинизмом он выдал Мао советского агента — члена Политбюро КПК Гао Гана (см. "Воспоминания" Хрущева), надеясь таким "великодушным"

пожертвованием завоевать доверие китайцев. Одновременно среди китайских студентов, любезно приглашенных в советские гражданские и военные вузы, усиленно вербовали новых советских разведчиков, а во всех крупных соединениях и учреждениях китайской армии старались насаждать советских военных советников. Корейская война была спровоцирована Сталиным, вероятно, прежде всего затем, чтобы втянуть Китай в локальную войну с США, ослабить его и сделать возможно более зависимым.

Такова действительная история советско-китайских отношений, достаточно хорошо известная по многим европейским и американским свидетельствам и косвенно, но вполне однозначно подтверждаемая и книгой Владимирова "Особый район Китая" (М. 1973), и "Мемуарами" Хрущева. Попытки хрущевского правительства несколько улучшить эти отношения — отказ от КВЖД, от концессий, от военных баз, уступки в Синьцзяне, планы усиленной экономической помощи и т.п. — были уже недостаточными с точки зрения быстро матеревших маоистских правителей. Все эти уступки не устранили, а только высвободили, вывели наружу ранее подспудные сокровенные противоречия. Китайские пропагандисты в пик Хрущеву славят Сталина — впрочем, только в массовой и главным образом в "экспортной" демагогической пропаганде; в серьезных "закрытых и полузакрытых" и в доверительных беседах с компетентными иностранцами они не делают никаких различий между Сталиным и всеми последующими "новыми кремлевскими царями", "российскими социал-империалистами", и т.д. и т.п.

2

Во втором разделе "Война с Китаем" утверждение, завершившее первый раздел, перерастает в грозные проициания.

"...Наша молодежь и весь лучший средний возраст пошagaет и поколесит погибать в войне, да какой? — ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ! За что? Главным образом за мертвую идеологию.

... *Первая причина нависающей войны... главная и безысходная — ИДЕОЛОГИЯ.* Не удивимся: во всей истории не было войн и междоусобиц лютее, чем вызванные идеологическими — (в том числе, увы, и религиозными) — разногласиями.

... И 60 миллионов наших соотечественников дадут убить себя за то, что именно на 533-й странице ленинского тома написана заветная истина, а не на 335-й, как утверждает противник."

И как естественный вывод из этих предпосылок звучат призывы-заклинания:

"... Отдайте им эту идеологию. Пусть китайские вожди погорятся этим короткое время.

... Отпадет главная лютая рознь между нами... и военный конфликт отодвинется намного, а может быть *и не состоится вовсе никогда*.

... Отпадет идеологическая рознь — советско-китайской войны скорее всего не будет и вовсе. А если в отдаленном будущем и будет, то уж действительно оборонительная, действительно отечественная."

(Подчеркивания и выделения всюду по оригиналу.)

Итак "первой", "главной", "безысходной" причиной угрожающей войны с Китаем оказывается все та же злокозненная ИДЕОЛОГИЯ (в тексте "Письма" это слово обозначается чаще всего прописными буквами), которая вместе с тем и "мертва", и как бы вообще не существует.

Оставим на совести автора безоговорочно, решительно обобщенное суждение об идеологических войнах. Любой серьезный историк, будь он верующий, будь он атеист, геополитик или социал-дарвинист, религиозный экзистенциалист или марксист, приведет десятки фактов, доказывающих, что идеологические формулы и знамена могут иметь очень большое субъективное значение и часто служат декоративными пропагандистскими средствами для военных целей, но никогда и нигде не бывают ни "главными", ни "безысходными" причинами войн. После многолетних яростных войн между лигистами и гугенотами оказалось, что "Париж стоит мессы", а спор о ключах к христианским храмам в Иерусалиме был только поводом к Крымской войне 1854-55 гг.

Что же действительно определяет нарастающую напряженность советско-китайских государственных отношений, в чем действительные причины этой опасной вражды?.. Неужели она возникла только теперь из-за идеологических разногласий и разночтений?

Российское государство уже с начальной поры его существования стремилось расширяться и на Западе, и на Востоке, и на Юге. Необходимость отражать набеги кочевников и притязания воинственных соседей побуждала великих князей и царей самим наступать, завоевывать, где силой, где хитроумием "приводить под свою руку" ливонские и новгородские земли, татарские и сибирские царства, ногайские и иные "украины". Преобразования Петра Великого были неотделимы от наступательной внешней политики, которую наследовали все его преемники. Русским войскам, продвигавшимся в Заднестровье и в Приамурье, в Финляндию и в Туркестан, на Кавказ и на Камчатку, предшествовали и сопутствовали отважные землепроходцы, истовые миссионеры, предприимчивые купцы, пытливые исследователи природы и этнографии, находчивые дипломаты... И где пулей, штыком, картечью, где звонким рублем, где красным товаром или красным словцом, а где и тем и другим и третьим вместе, — Российская держава одолевала сопротивление туземных князей, царьков, эмиров, беков... Одолевала не раз и китайских военачальников, мандаринов-губернаторов и мандаринов-дипломатов. Начав еще в XVII в. с завоеваний казаков Хабарова, закрепленных ловкостью посольских дьяков, завладев в середине XIX в. заброшенными северо-восточными окраинами Китая, а к концу века проникнув в Манчжурию (КВЖД), империя в XX в. начала прибирать к рукам Внешнюю Монголию и китайский Туркестан — начала при последних Романовых, продолжала при Ленине и Сталине.

Идеологические вывески за века менялись, но сущность отношений между государствами оставалась более или менее неизменной.

В 50-е годы XIX в. в центральном Китае разразилась массовая революция. Движение тайпинов стремилось свергнуть власть маньчжурской династии и отразить проникновение иноземцев. Идеологическим знаменем тайпинов было христианство. Но капитаны английских и американских канонерок исправно расстреливали своих китайских единоверцев, защищая власть пекинских язычников. Китайские националисты, руководимые в 1900 г. "Союзом больших кулаков", а в 1911 г. созданной Сун Ят-сеном партией Гоминдан, считали царскую Россию одним из опаснейших врагов Китая. В 1927 году Чан Кай-ши порвал с коммунистами, так как видел в них "агентуру Москвы",

в 1929 г. Чжан Сюэ-лян пытался отвоевать КВЖД. В 20-х и 30-х гг. различные партии, соперничавшие между собой в Китае, спорили в частности и о том, кого полагать главной опасностью для их страны: Японию, Россию или "заокеанских дьяволов". Существенной особенностью маоистской теории и маосистской практики была не столько более чем сомнительная приверженность марксизму (о котором у самого Мао были весьма туманные представления, а у миллионов его сторонников — и вовсе никаких), сколько строго централизованная, прочная общенациональная структура, ядро кристаллизации новой великой империи. Поэтому и японцы, и Сталин предпочитали опираться на такие политические силы в Китае, которые были носителями центробежных деструктивных стремлений: японцы — на манчжурских сепаратистов и ванцзин-веевскую фракцию Гоминда-на (ранее эта фракция ориентировалась на Москву), а Сталин — на Чан Кай-ши и на "христианского маршала" Фын Юй-сяна.

Вражда между правительствами Сталина, Хрущева, Брежнева с одной, и правительствами Мао, Чжоу, Х, У и т.д. — с другой стороны, была, есть и будет менее всего "идеологической". Эта вражда представляет собой закономерное развитие давних многообразных — и в частности геополитических — противоречий между мощной, интенсивно и экстенсивно развивающейся евроазиатской державой и недавно еще полуколониальной азиатской страной, которая, вследствие резко изменившегося после второй мировой войны соотношения сил, после поражения японской империи, распада английской, французской и голландской колониальных систем, после возникновения новых государств — Индии, Пакистана, Индонезии, Индокитайских республик, вырастает в великую державу, несоизмеримо более сильную — и абсолютно, и относительно, — чем был Китай когда-либо раньше за все 4000 лет своей истории.

Новое китайское государство противостоит Советскому Союзу как своему главному противнику вовсе не потому, что маоисты желают по иному читать Маркса и Ленина, а потому, что после ухода американцев из Вьетнама и пока Япония остается разоруженной, наши войска и наши ракеты вдоль всей сухопутной границы, клещами охватывающей Манчжурию, и наши военные корабли, стремительно размножающиеся на всех морях, омывающих китайские берега, представляются им главной и непосредственной угрозой. И претензии маоистского

государства к нам тоже не имеют никаких идеологических источников. Это сугубо "имперские" — территориальные и геополитические претензии; некоторые из них, например, обосновываются тем, что во "внутренней" Монголии, т.е. в границах Китая, живет втрое больше монголов, чем во "внешней" — в МНР, которой Москва запретила "воссоединиться" с монгольским большинством; тем, что в Синьцзяне живет множество казахов и узбеков, уйгуров и киргизов, а советские агенты издавна настраивали их против "ханьских", т.е. собственно китайских "старших братьев".

Пресловутые *идеологические споры*, которым в "Письме" придается такое непомерное значение, возникли всего 15 лет назад, как *пропагандистские следствия*, а не как причины реальных межгосударственных противоречий. Эти споры усиленно раздуваются и в Китае, и в некоторых зарубежных компартиях демагогами обеих спорящих сторон, создавая шумовые и дымовые завесы, скрывающие реальные причины трагически неразрешимых конфликтов между государствами — именно государствами, а не народами. Идеологическая трескотня маоистской печати, радио, "культурных революций" и т.п. — одно из средств внутренней и внешней пропаганды, рассчитанной на приобретение друзей и сочувствующих в других странах и на создание искусственного "морально-политического общенационального единства" в Китае. Все это — китайская модификация древнейших методов раздувания внешних угроз, которые применялись всеми воинственными деспотиями. Так, гитлеровцы пугали немцев угрозами мирового еврейства и мирового коммунизма, а с 1939 г. угрозой "плутократии"; так сталинцы пугали нас до 1939 г. угрозами мирового фашизма и японского милитаризма, с 1939 до 1941 г. пугали англо-французскими империалистами и "белофинскими агрессорами". В годы войны угрозы были настолько реальны, что любая пропаганда оказывалась слабее действительности. Но с 1946 г. стали пугать уже акулами Уолл-стрита, мировым сионизмом, западно-германским реваншизмом... В последние годы наша полуофициальная, "шопотная" (и тем более действенная) пропаганда все настойчивее пользуется китайской угрозой. Вслед за докладчиками "закрытых" собраний, в эту пропаганду включился автор "Письма...", хотя и с несколько иных, скорее "вечевских" националистических позиций, он бросил авторитет

писателя — правдолюбца, героя и пророка — на ту же чашу ве-
сов, которую так ревностно отягощают публицисты АПН, казен-
ные лекторы, стихотворцы и войсковые политработники.

Прискорбное своеобразие "Письма вождам..." в том, что оно может одновременно служить и нашей полуофициальной "военно-патриотической" работе комсомола, ДОСААФ'а, Главполитуправления, но в то же время и китайской пропаганде. Вот оно, мол, откровенное признание любимца Хрущева, самого известного русского писателя: он призывает новых кремлевских царей отказаться от всех международных связей и обязательств, открыто наплевать на те программы и идеалы, которым они фактически давно изменили, и, отбросив все маски и декорации, строить замкнутое националистическое "авторитарное" государство. К тому же китайскому национальному самолюбию должно льстить, что этот русский писатель, прославленный во всем мире, нобелевский лауреат и т.д., проповедует своему народу исконные древне-китайские принципы "Великой Стены", т.е. национальной замкнутости, консервативной авторитарности, отгораживающейся от всего иноземного и инородного... Используя текст "Письма...", маоистские агитаторы могут обогатить свой арсенал новыми аргументами для разжигания вражды к России и к русским людям в азиатских и африканских странах и у народов некоторых наших республик. Такой обоюдоострый вред может причинить "Письмо..." потому, что оно построено на двойной неправде — на неправильном представлении об истории отношений между Россией и Китаем и на неправильном толковании их современного состояния.

Однако совершенно оправдана тревога, побуждающая автора "Письма..." искать выход из все нарастающей напряженности, которая выражается не только в пропагандистской шумихе, но и в угрожающих скоплениях войск по обе стороны границы. Жутким символом стали кровавые схватки на островке Даманском, — когда на узкой полосе бесплодной земли, на которой еще никогда не родился ни один человек, погибли несколько сот юношей — советских и китайских солдат. Они убивали друг друга не за идеологию, а за владение именно этим островком — за землю и за власть, а не за идеи.

Идеи и взгляды на мир, господствующие в СССР и в Китае, существенно различны; только беспредельно доверчивый читатель газет может всерьез думать, что они лишь разные варианты

идеологии. В действительности мировоззрение и восприятие значительной части руководящих и средних партийных, государственных и научно-технических деятелей Советского Союза куда ближе тем взглядам, которые высказаны в "Письме...", чем тому, что написано в программе КПСС или в учебниках "марксизма-ленинизма". А идеи и идеалы значительного большинства китайских деятелей никогда и не приближались к этим учебникам. Однако независимо от всех идеологических различий, — в значительной мере ирреально абстрактных, но осложняемых демагогической лживой пропагандой, — реальные противоречия в борьбе за власть и за землю, если будет сохраняться нынешнее напряжение, могут привести к тому роковому стечению обстоятельств, когда "пушки сами начинают стрелять". В сознании и в ощущении этой страшной угрозы — источник благородной тревоги, вдохновившей замысел Солженицына. Но его публицистическое осуществление и спасительные рецепты, предлагаемые "Письмом..." вызывают у читателей, знакомых с историей и с современной действительностью, лишь горестное недоумение. Если автор "Письма..." и впрямь думает то, что пишет, то как же он, оказывается, несведущ и наивно ограничен. А если это лишь нарочитое, рассчитанное на массовую гипнотическую действенность, использование заведомо неверных, но эффектных утверждений, то как это совместить с призывом "жить не по лжи"?

Возражения на "Письмо..." А.Д. Сахарова и Роя Медведева представляются и объективно более обоснованными, и субъективно более продуманными. Претензии китайских националистов нельзя опровергнуть встречными националистическими претензиями на исконность и законность наших дальневосточных владений. Тут скорее помогло бы не возвращение к православию допетровской Руси, а опыт той откровенно самокритичной и вместе с тем прагматичной политики, которую пытался в подобных случаях вести Ленин. Это значило бы открыто заявить, как признавали в первые послереволюционные годы, что территории, приобретенные Россией у Китая за последние 300 лет, были отняты в силу завоевательной стратегии царской империи, на основе неравных договоров, но с тех пор прошло много времени, право живых выше права мертвых, и Владивосток, бесспорно, "город нашенский", и все эти края стали нашими. Признав это и признав, что сталинская политика

30

геноцида, которая на Дальнем Востоке в 1936-1937 гг. привела к поголовному выселению — и даже истреблению — живших там китайцев и корейцев, что эта политика была преступной, мы лишили бы ветра главные паруса маоистской пропаганды. А ссылки на действительные принципы той именно идеологии, которую так демонизирует — и мифологизирует — "Письмо", могли бы облегчить поиски реальных компромиссов, основанных на демилитаризации границ, на облегчении связей между монголами в МНР и КНР, на конкретных долговременных соглашениях об экономическом и научно-техническом сотрудничестве, об охране среды, о совместной борьбе против отравления воздуха и вод, против голода, болезней, стихийных бедствий... Сегодня и такая программа представляется утопичной, но в этой утопии есть живые зерна истины, способные прорасти при благоприятных условиях, тогда как то, что в "Письме" предлагается как средство предотвращения или отдаления уже "нависшей" войны, — даже не утопия, а сочетание абстрактно-логических формул, извлеченных из крайне искаженных представлений о действительности и дополненных заклинаниями.

3

Третий раздел, "Тупик цивилизации", также возник из оправданной тревоги. Множество людей в самых различных странах встревожены отравлением биосферы, истощением природных ресурсов и всеми иными разнообразно губительными последствиями безудержного и бесконтрольного технического прогресса. Можно было бы только порадоваться, что замечательный русский писатель присоединяется к тем, кто ищет пути и средства преодоления зловещих сил, угрожающих всему человечеству. Но автор "Письма" полагает, что корень всех этих зол кроется там же, где и причины, которыми он объяснял "катастрофическое ослабление западного мира и всей западной цивилизации", а именно — в ложных идеях, "вдолбленных нам в голову мечтателями Просвещения". И он предлагает решать все эти грозные и сложные всемирные проблемы буквально также, как и проблему возможной войны СССР с Китаем.

”... Я не касался бы той опасности в этом письме, если бы решение обеих задач не *совпадало бы* во многом, если бы один и тот же поворот, *единое* решение не избавляло бы нас от *обеих* опасностей”. (Подчеркивания везде по оригиналу.)

Что же это за единое спасительное средство от столь разных болезней? Отказ от идеологии. Ибо — ”... на пути нашего спасения стоит и загораживает — Единственное Передовое Мировоззрение”.

И, как прямое следствие этого главного отказа, еще и отказ от того, что ранее (со времен Петра) мы ”... безмысли и слепотили за западной цивилизацией”, ибо Россия ”... вполне может поискать и свой особый путь в человечестве”.

Последнее предложение несколько конкретизируется в следующем, четвертом разделе (”Русский Северо-Восток”) призывом отказаться от международных связей, ибо, если верить ”Письму...”, они возможны либо как ”... занятия ... мировой революцией”, подготовкой ”... того сотрясения, которое может зреть, может и произойдет в западных странах”, либо как расточительное обогащение иностранцев, коих ”... мы подобно последней отсталой стране приглашаем... разрабатывать наши недра и предлагаем им... забирать бесценное наше сокровище — сибирский природный газ”.

В связи с этим говорится:

”... с 1920 г. полвека мы гордо (и справедливо) отказывались доверять иностранцам разработки наших природных богатств”.

Получается диковинно: та же самая идеология почему-то полвека не мешала ”гордой и справедливой” национальной экономической политике. Однако теперь из всех опасностей ”... единый выход: ОТБРОСИТЬ МЕРТВУЮ ИДЕОЛОГИЮ, которая грозит нам гибелью и на путях войны, и на путях экономики, отбросить все ее чуждые мировые фантастические задачи”.

Абзац, начатый похвалой полувековой ”гордой и справедливой” экономической политике, заканчивается печальным сетованием:

”... у нас было бы много хороших товаров, если бы наша промышленность тоже не была построена главным образом на ИДЕОЛОГИИ. И тут поперек дороги нашему народу — ИДЕОЛОГИЯ.”

Остается непонятным, почему же до 1917 г. весьма далекие от этой зловредной идеологии распорядители российской экономики так широко поощряли иностранные концессии по всей стране от Лены до Баку, а с 1920 до 1970 г., в пору якобы единовластного господства идеологии, все было по-иному — ”гордо” и т.д. Еще менее понятно, как строят ”на идеологии” промышленность, какие именно ”хорошие товары” производились бы у нас, если бы промышленные планы и заказы составляли не экономисты, некогда учившие диамат, а, скажем, благочестиво православные плановики... Пожалуй даже очень богатая писательская фантазия нелегко найдет ответы на эти вопросы.

Проповедь национальной обособленности, возврата к старомосковскому, — чтобы не сказать китайскому, — ”премудрому незнанию иноземцев” в наши дни звучит более чем наивно. Такой изоляционизм был возможен до поры до времени в том мире, который еще не знал авиации, радио, межконтинентальных ракет, атомной энергии, космических исследований и мировых войн. Возлагать надежды на спасительность ”великой стены” или ”железного занавеса”, которые загородят процветающие хутора и монастыри русского Северо-Востока от бед, грозящих всей планете, значит обрекать Россию на судьбу благочестивого града Китежа, полностью утратив реальные представления об истории и современности. Остается непонятным, как совместить такие маниловские утопии с предшествующими и последующими здравыми рассуждениями о *всемирной* природе самых насущных современных проблем, от решения которых зависит не много, не мало, а существование человечества.

4

В конце четвертого раздела автор заявляет, что считает ”нравственным” ”советовать политику обособленного спасения среди всеобщих затруднений” потому, что ”... наш народ... пострадал в XX веке, я думаю, больше всех народов мира”.

Мысль о "первенстве" в страданиях, прозвучавшая уже в Нобелевской лекции, снова и снова повторяемая в интервью и статьях, заставляет вспомнить о тех претензиях на мировое первенство, на исключительность, историческую избранность нашей страны, которые внятно высказывались уже в начале 30-х годов ("мы — единственная в мире страна победившего социализма... Главный критерий для различения добра и зла на земле — отношение к нашей Родине — отечеству всех трудящихся"). С середины 40-х годов эти претензии набирали все большую громкость и обретали яростно наступательную силу уже как откровенно великодержавно-шовинистические. Тогда утверждались всяческие "приоритеты", травили "безродных космополитов" и "низкопоклонников перед иностранщиной" (сколько их заполняли острова Архипелага ГУЛаг с 1947 до 1953 гг.!), проповедывали такую неистовую ксенофобию, которая и не мерещилась допетровским гонителям "латынщиков".

Однако, простая замена претензий на первородство в прогрессе претензиями на первенство в страданиях не меняет сущности такой ветхозаветно истовой веры в нашу избранность. "Москвоцентризм" сталинцев, твердивших: "самый последний советский человек выше любого высокопоставленного буржуазного" и т.д. прямо и непосредственно предваряет мученическую гордыню автора "Письма..." и его единомышленников. Для них тоже "земля начинается с Кремля". Из этого представления рождается высокомерное пренебрежение к страданиям и бедствиям людей в любом ином краю земли: "нам бы ваши заботы...", куда им всем, грекам, индонезийцам, чилийцам и "разным прочим неграм" до наших мук и жертв! В бухгалтерских подсчетах — "у нас миллионы жертв, а у вас только тысячи" — (даже если полагать эти подсчеты точными), можно обнаружить следы разных идеологий и пропагандистских опытов, — прежде всего советских, — но ни тени христианского человеколюбия.

* * *

В разделе "Развитие внутреннее" высказаны справедливо гневные и скорбные слова о нашей жизни. Горькая правда о

разорении деревни, о бессмысленных расходах на вооружение, о губительном спаивании миллионов людей в погоне за скорыми прибылями, об уродливом вырождении городов, об упадке образования, о страшном необратимом ущербе, приносимом нравственному и духовному развитию молодежи и т.д., заражает читателей благородным волнением, искренней тревогой.

Но стараясь объяснить причины множества бед и наметить пути их одоления, автор снова с катоновской страстью говорит все о том же Карфагене — "идеологии".

"... Наше идеологическое сельское хозяйство уже стало посмешищем для всего мира".

"... на каждом месте, на каждой линии построить Россию здоровую нам мешает ИДЕОЛОГИЯ."

Раздел заканчивается призывом отказаться "прежде всего, — от идеологии", а следующий (6-й) раздел уже так и озаглавлен "ИДЕОЛОГИЯ".

Она, оказывается,

"... не только дряхла, не только устарела, но и в свои лучшие десятилетия она ошибалась во всех предсказаниях, она никогда не была наукой... примитивная, верхоглядная экономическая теория... Она ошиблась, предсказывая... она дала маху... Она прошиблась... Она просчиталась...

... Марксизм не только не точен, не только не наука, не только не предсказал *ни единого события* в цифрах, количествах, темпах или местах... но поражает своей экономико-механической грубостью.

... всеми жерновами, которые топят нас, наградило... именно наследное дряхлое *передовое учение*. И коллективизацией. И национализацией мелких ремесел и услуг... И помехами в промышленном развитии и перестройке технологии. И преследованием религий."

Последним объясняется также рост преступности, ибо "... для верующего его вера есть *высшая* ценность, а марксизм, насаждая атеизм, "навязывает" ... поощрение преступности, как навязывает он руководителям сверхдержавы...

... давать отчеты в своих действиях каким-то дальним приезжим гостям — с другого полушария, вождам невлиятельных незначительных компартий, меньше всего озабоченных русской судьбой”.

”... Патриотизм... — значит отрицание марксизма. Марксизм, напротив, велит не осваивать Северо-Восток, а оставить наших женщин с ломami и лопатами, но торопить и финансировать мировую революцию”.

В последующих абзацах с этим универсально всесильным чудищем идеологии марксизма происходит некое превращение; оно оказывается уже мертвым.

”... Идеология, доведя до острейшего конфликта наше нынешнее положение, давно уже перестала помогать вам. ... Сейчас в нашей стране ничто *конструктивно не держится* на ней, это ложная фанерная театральная колонна, которую убери — и ничего не рухнет, ничто не поколеблется. Все в стране давно держится на материальном расчете... (это — внезапная дань той самой идеологии, которая и ”топящий жернов”, и ”фанерная колонна”).

”... Сегодня эта идеология уже только ослабляет и связывает вас. Она захламляет жизнь общества, мозги, речи, радио, печать — ложью, ложью, ложью.”

”... Именно из-за того, что наше государство... все еще держится за эту ложную доктрину... оно и нуждается сажать за решетку инакомыслящих. Потому что *именно ложной идеологии* нечем ответить на возражения, на протесты, кроме оружия и решетки.

Отпустите же эту битую идеологию от себя... Пусть она минует нашу страну, как туча, как эпидемия, отряхните со всех нас эту потную грязную рубашку, на которой уже столько крови, что она не дает дышать живому телу нации, крови 66 миллионов. На ней — вся ответственность за все пролитое... Надо поскорее скинуть ее и пусть подбирает, кто хочет.”

Здесь приведены такие обширные выдержки, чтобы не могло возникнуть сомнения в том, насколько точно передаются мысли автора. Но еще и потому, что уже сам язык и стиль ”Письма” —

экзальтированные, задыхающиеся от одержимости заклинания, небрежные тропы ("со всех нас... эту..рубашку") свидетельствуют о печальном единстве формы и содержания.

Уверения в том, что именно "идеология" повинна в бедствиях бесконтрольного промышленно-технического прогресса, в отравлении земной атмосферы, в росте преступности, в непосильном труде советских женщин, не выдерживают простого сопоставления с общеизвестными фактами. Ведь засорение воздуха, вод, почвы, вредные воздействия на здоровье миллионов людей современной индустриализации и самого быта больших городов, — задыхающихся в ядовитых испарениях моторов, оглушаемых какофониями и свистоплясками шумов, скрежетов, звонов, сотрясаемых спешкой, суетой людей и машин, ослепляемых нестерпимо сильным светом, сверканьем, вспышками огней, крикливо яркими красками, — ведь все это присуще тем странам, где преобладают совсем иные идеологии, в значительно большей мере, чем нашей. Новейшие мировые язвы отягощают жизнь обитателей Токио и крупных японских городов больше, чем жизнь парижан и лондонцев, которых можно было бы еще попрекнуть доверием к "мечтателям Просвещения", тоже осужденным в "Письме". Утверждению, что марксизм с помощью атеизма поощряет преступность, не поверят даже самые консервативные юристы ФРГ, так как они знают, что в марксистской и атеистической ГДР все виды преступности дают куда более скудные всходы, чем в землях ФРГ, управляемых христианскими партиями. Даже те штаты США, где не только Маркс, но и Дарвин еще недавно был запрещен, по росту преступности, по наркомании, по числу извращений "сексуальной революции" превосходят "марксистские" страны почти так же, как по числу автомашин, всевозможных товаров, и по числу церквей и молитвенных домов...

Не будем вступать в спор об исторических судьбах марксизма. Само это понятие сегодня так многозначно и так противоречиво толкуется и его сторонниками, и его ниспровергателями, что для подобного спора потребовалось бы несоизмеримо больше места и времени. Ограничимся лишь напоминанием о самых элементарных фактах и некоторыми вытекающими из них простейшими соображениями.

Каковы бы ни были ошибки или просчеты в экономических, философских и социологических сочинениях Маркса и Энгельса,

даже самые грубые из них — вряд ли можно считать прямыми источниками той методики, — а затем и теоретической методологии, — *партийности*, которая первоначально возникла в политической практике и полемических работах Ленина, — питаясь прежде всего опытом русского революционного движения 70-80-х гг., а затем была доведена до степени жестокой военно-полицейской доктрины Сталиным.

Именно партийность — это главная основа действительно господствующей идеологии, а вернее — той системы *г о с у д а р с т в е н н о й* пропаганды, в которой можно легко заменять и подменять идеи и идеалы, лозунги и расхожие политические понятия, не изменяя ее сущности. Можно называть себя интернационалистом и проповедовать примитивнейший великодержавный шовинизм, ненависть к немцам или американцам, широковещательно возглашать приверженность к демократии, свободе, гуманизму — и всеми средствами власти, педагогики и пропаганды воспитывать крепостнические нравы, безропотную покорность произволу, слепое доверие к властям, презрение к личности, культ самозабвенного служения идолам партии, государства, армии, насаждать самурайские добродетели, героизировать шпионство и хамство... Полагать все это родственными идеям и идеалам революционного социализма и в частности марксизма — значит бездумно верить самой топорной нашей пропаганде. Некоторые марксисты — такие, как Бернштейн, Каутский, Плеханов, Мартов, Роза Люксембург, Гильфердинг, Лонге, Штернберг, Корш — доказывали, что уже Ленин не только далеко ушел от принципов марксизма, но произвольно, искусственно, хотя и талантливо, сочетал марксистские теории с бланкистской и бакунинской идеологией и политической практикой. К тем же выводам пришли и некоторые бывшие коммунисты — Блох, Фишер, Гароди, Лешек Колаковски...

Сталинская идеология, которая фактически и донныне преобладает в сознании большинства наших номенклатурных деятелей, в программах школ и университетов, в массовой беллетристике, в фильмах, газетах, — в 6-м разделе "Письма" даже сказано: "идеология в виде газет", — не ближе к идеям Маркса и Энгельса, чем идеология "Журнала Московской Патриархии."

Все казенные, но рудиментарные формулы, давно утратившие смысл, празднично лозунговые и иные ритуальные словосочетания, которые должны являть некую видимость

идей марксизма-ленинизма, имеют такое же отношение к действительности, как и наши "конституционные свободы".

Обвинять Маркса, Энгельса и даже Ленина в том, что они ответственны за "идеологическое сельское хозяйство", т.е. за разрушительную коллективизацию и истребление крестьянства, за просчеты и нескладицу в промышленном развитии и за возникновение угрозы "технологической гибели", не более справедливо, чем осуждать евангелистов за изуверства инквизиции, полагать христианством идеологию "великого инквизитора", а Дарвина и Геккеля считать ответственными за преступления гитлеровцев, которые, разрабатывая расистские законы и создавая лагеря уничтожения, ссылались на учение о "естественном отборе".

Коллективизация в СССР не была предусмотрена никакими теориями и программами, ее стали проводить внезапно — после выступления Сталина на некоем мифическом совещании "аграрников-марксистов", (которое ни до, ни после этого не поминалось, никакие участники его не известны). "Сплошная коллективизация на базе ликвидации кулачества" проводилась в 1929-1930 гг. грубо административно и получала "теоретическое" обоснование с гарниром из марксистско-ленинских фраз по ходу событий или позднее. Именно тогда и возникла пресловутая четырехчленная формула "учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина". В Польше, где правящая партия также считается марксистской, за 30 лет пока еще не собрались проводить коллективизацию. А в управляемых "марксистами" ГДР, Венгрии и Чехословакии сельхозкооперативы даже не сравнимы с нашими колхозами: ни по рентабельности и производительности, ни по уровню жизни крестьян, ни по системе правовых и общественных отношений. Индийские сельские кооперативы, израильские кибуцы и коллективные хозяйства, возникающие в некоторых азиатских и африканских деревнях, — часто в религиозных общинах, — создаются людьми, исповедующими самые разные идеологии, весьма далекие от марксистской.

Существенные предпосылки сталинской коллективизации кроются в социальных и морально-психологических традициях крепостничества и стародавней "мирской" общинности. Этим традициям придавали живучесть социальные утопии славянофилов и народников, толстовцев и первых советских коммунаров. Эти традиции стремились одолеть Столыпин,

А. Кривошеин, те "экономисты" из деловитых хуторян, которым, в частности, посвящено немало страниц в "Августе четырнадцатого", и те советские деятели, которые с 1921 г. делали ставку на "культурного сельского хозяина", в том числе и марксисты: Бухарин, Рыков, Айхенвальд, Стецкий и др., которых в 1929 г. шельмовали как "правых уклонистов", а в 1937-1938 гг. истребляли как "врагов народа". Идеологические, морально-бытовые и социально-административные традиции крепостной общины оказались очень устойчивыми, выдержали и натиск буржуазно-стольпинского прогресса, и революционные потрясения, и НЭП. В последующие десятилетия — в этот самый страшный, самый гибельный период тысячелетней истории русского, украинского, белорусского, молдавского, прибалтийского, среднеазиатского и закавказского крестьянства — именно эти традиции стали основой нашего "социалистического" хозяйства. Наиболее губительным оказалось сталинское крепостное право для русских, украинских и белорусских крестьян — вероятно потому, что для них оно было грубо насильственным возвращением вспять, разрушая и разоряя уже складывавшиеся были новые имущественные и общественные отношения в сельском хозяйстве в то время, когда вблизи бурно росли города, высасывая, вытягивая силы и людей из вновь закрепощенных деревень. В среднеазиатских и закавказских селах, аулах, кишлаках переход от старой общины к новой был более "плавным", бегство в города менее массовым. Поэтому там еще и теперь сохранилось крестьянство. По иным причинам несколько благополучней, чем в России и на Украине, прошла более поздняя коллективизация в прибалтийских республиках. А у нас даже в самую теплую пору хрущевских "оттепелей", в 1961 г., ни одна газета, ни одна брошюрка ни словечком не помянула столетие отмены крепостного права. Никто не решился напомнить беспаспортным государственным крепостным о судьбе их предков...

Так и маоистские "трудовые коммуны" в Китае наследуют прежде всего традиции многовековой общинной структуры китайской деревни, управлявшейся помещиками и старейшинами; их теперь заменили партийные чиновники, которые именуют себя марксистами-ленинцами с тем же правом, что и сталинские унтеры Пришибевы. А различия между китайскими коммунарами и нашими колхозами — это различия не в

толковании марксизма, а в природе национальных традиций и в особенностях непосредственно предшествующего общественного развития. Поэтому в их коммунах, возникавших из еще не разложившихся патриархальных общин и на только что отнятой помещичьей земле, большее значение имеет реальная массовая самодеятельность, бюрократия сочетается с охлократией.

5

"Письмо..." утверждает, что господствующая ныне идеология требует оружия и решеток для инакомыслящих. Это правда, но вот только какая именно идеология сейчас господствует, каких именно инакомыслящих подавляют оружием и сажают за решетки?

Зычные глашатаи великодержавного великорусского шовинизма беспрепятственно подвизаются во многих издательствах ("Молодая гвардия", "Советская Россия", областные издательства Ростова, Краснодара, Саратова и др.), в редакциях ежедневной газеты "Советская Россия", журналов "Огонек", "Молодая гвардия", "Москва", "Нева", "Дон", "Волга" и во многих других изданиях; они верховодят в "Обществе охраны памятников", которое стало по сути легальным объединением новых националистов, и занимают посты в самых разных идеологических учреждениях. Литераторы и научные работники открыто, вслух называющие себя почитателями династии Романовых, сторонниками монархически националистских взглядов К. Леонтьева, Данилевского, В. Розанова, пребывают членами КПСС, издают книги, публикуют стихи и статьи, едва завуалированно излагающие их идеи, безоговорочно враждебные любым толкованиям марксизма. Несколько лет тому назад некто Скурлатов, член Московского городского комитета комсомола, размножил "тезисы", в которых требовал введения законов, охраняющих чистоту расы, запрещающих браки с инородцами, требовал усиления "героического военно-патриотического воспитания" с помощью телесных наказаний, казарменной муштры в школе, подавления всяческой "расслабляющей интеллигентщины". После того, что эти тезисы вызвали шумные — но только "внутренние", кулуарные — возражения, их автор был переведен на другую работу, тоже идеологическую — и, разумеется, остался

членом КПСС. А его противников уволили через несколько месяцев с весьма нелестными характеристиками.

В то же самое время любые попытки всерьез заняться проблемами марксизма, и особенно — попытки исследовать историю и современное состояние страны с помощью марксистских методов социально-критического анализа экономики и общественных отношений, вызывают самые суровые меры пресечения. Участники группы Краснопевцева в МГУ в 1957 г., участники ленинградского "Союза коммунаров" (1965 г.) и молодежных "марксистско-ленинских" кружков в Горьком, Владимире, Рязани, Харькове и других городах (возникавшие в 1966-69 гг. вполне мирные объединения наивно догматических исследователей) были арестованы и осуждены по ст. 70 на долгие сроки заключения. Убежденный марксист генерал П.Г. Григоренко более 5 лет томился в психбольнице по решению суда. Сторонники той идеологии, которая так ненавистна автору "Письма...", преследуются КГБ, прокурорами и судами не менее сурово, чем сторонники национального самоопределения Украины, Молдавии, Литвы, Латвии, Эстонии, Армении, Узбекистана — тех республик, в которых предполагается угроза "буржуазного национализма". Заниматься всерьез марксизмом у нас не менее опасно, чем демократическим Самиздатом примкнуть к "истинно православным", баптистам, сионистам, иеговистам, буддистам, а также защищать крымских татар, все еще пребывающих в насильственном изгнании. Зато деятели шовинистического, черносотенного Самиздата и самые грубые ругатели "хохлов", "жидов", любых "чучмек" в худшем для себя случае выслушивают отеческие укоры и получают скоропреходящие символические взыскания.

Так что, если и можно говорить о наличии в нашей стране одной господствующей идеологии, то к марксизму и ленинизму она примерно так же близка, как сектантские толки хлыстов и скопцов к учению апостолов или к мировосприятию С. Булгакова и Флоренского.

В "Письме..." неоднократно повторяются утверждения, будто злополучная идеология навязывает России тягостные международные обязательства и даже вынуждает "руководителей сверхдержавы давать отчеты... каким-то вождям незначительных компартий". Такое удивительное — или сомнительное — доверие к текстам казенных газетных коммюнике противоречит

фактам. Коминтерн, созданный в 1919 г. Лениным и его зарубежными сторонниками, как "генеральный штаб" предполагавшейся в те годы мировой пролетарской революции, уже несколько лет спустя стал послушным орудием советской внешней политики, а во многих случаях и непосредственно военной разведки. (Самые значительные резиденты ГРУ — Треппер и Радо на Западе и Зорге на Дальнем Востоке — были первоначально агентами Коминтерна). С 1936 до 1953 года в сталинских застенках было уничтожено, а в сталинских тюрьмах и лагерях заключено во много раз больше коммунистов разных стран, чем во всех фашистских и иных реакционных государствах земли вместе взятых. В 1938 г. особым решением ИККИ были попросту ликвидированы неугодные Сталину компартии Польши, Западной Украины и Западной Белоруссии, два года спустя сотни немецких и австрийских коммунистов были переданы гестапо и Сталин готов был присоединиться к антикоминтерновскому пакту Берлин-Рим-Токио, а в 1943 г. Коминтерн "самораспустился" — для успокоения западных союзников. Те компартии, которые имеют прочные связи с Москвой и получают от нее материальную помощь, обязаны в большинстве случаев безоговорочно выполнять все указания советских инстанций и, бывает, приносят в жертву государственным интересам СССР не только национально-политические интересы своих народов, но и кровь и жизни. Так было в 1939 г., когда коммунисты Франции, Англии, Финляндии, Бельгии, Голландии должны были стать пораженцами, так уже совсем недавно приходилось, да и сейчас приходится поступать коммунистам арабских стран, Израиля, Кубы, Индии, которые вынуждены, следуя московским директивам или "советам", подчиняться немилосердным правителям (Насеру, Фиделю, Бумедьену и др.) или мешать национально-освободительному движению своих соотечественников (например, курдам в Ираке). Восстание в Венгрии в 1956 г., разрыв с Китаем и с Албанией в 1960-61 гг., вторжение в Чехословакию в 1968 г. вызвали многообразные кризисы и конфликты в коммунистических партиях разных стран. С тех пор многие коммунисты Италии, Франции, Англии, Испании, скандинавских стран обрели известную независимость; в их газетах появляются одобрительные отзывы о произведениях А. Солженицына и Роя Медведева, заметки об отсутствии свободы слова или об антисемитизме в

СССР, сочувственные статьи о Китае, о чешских интеллигентах, преследуемых режимом Гусака и т.п. Но "вожди СССР" никогда не были и не будут "подотчетны" никаким иностранным компартиям, а расходы на эти партии менее всего бескорыстные пособия "мировой революции", о которой давно уже не думают даже в домах престарелых "ветеранов Октября". Эти действительно большие расходы обеспечивают нашему государству такую массовую и часто воистину самоотверженную поддержку за рубежом, о которой и мечтать не могли царские генштабисты. Конечно, до 1937-39 гг. и еще до 1968 г. наши сторонники были и многочисленней, и энергичней, однако и те, что пока остаются — особенно в Азии, Африке, Латинской Америке — значительно превышают силы сторонников других великих держав.

6

В седьмом, заключительном разделе "А как это могло бы уложиться?" излагается, так сказать, положительная программа. Что же именно предлагает "Письмо вождям..." взамен нынешнего дурного, чреватого гибельными угрозами "идеологического" строя?

Первое положение звучит подкупающе:

"... свободно допустить к честному соревнованию не за власть, но за истину! — все идеологические и нравственные течения, в частности все религии — их некому будет преследовать, если их гонитель марксизм лишится государственных привилегий."

Призыв к терпимости, свободе мысли и слова так хорош сам по себе, что можно и не задерживаться на очередном поминании марксистского "Карфагена", пусть остается хоть на потеху, хоть в утеху автору это сказочное пугало. Тем более, что дальше следует и впрямь очень разумный и справедливый отказ "... от всяких вообще революций и вооруженных потрясений".

Однако более конкретные политические рецепты, к сожалению, противоречат вступительным отвлеченно декларативным добрым пожеланиям — и даже один другому.

Призыв к "авторитарному строю" подготавливается и обосновывается брезгливо пренебрежительными рассуждениями о

"буйном разгуле демократии" на Западе, примерами коего служат: президентские выборы в США, оправдание ученого-пацифиста, "выкравшего и опубликовавшего документы военного министерства" и деятельность профсоюзов, которые норовят "вырвать себе лучший кусок в любой тяжелый момент".

Все эти очень категоричные, но мало компетентные суждения, вполне соответствующие начальному разделу "Письма" ("Запад на коленях") и повторяющие некоторые прежние высказывания автора (в статье "Мир и насилие"), определяются теми сведениями о "фальшивой буржуазной демократии", которыми насыщена и давняя большевистская пропаганда, и все советские учебники, начиная с "Краткого курса истории КПСС", и нынешние научные, беллетристические, публицистические и сатирические сочинения на зарубежные темы. Правда, тезис о "полной непривычке" и "полной неподготовленности" России к демократии напоминает и некоторые другие виды политического мудрствования, проявлявшегося некогда в суворинском "Новом времени", "Гражданине", а позднее в "Возрождении". Но ведь в полемике с "гнилыми либералами" и "демократическими болтунами" у крайне "левых" и крайне "правых" нередко почти тождественны и накал страстей, и мысли, и даже стиль полемического красноречия.

Взамен безнадежной демократии "Письмо..." предлагает "авторитарный строй" и, предупреждая возможные опасения, уверяет, что имеет в виду такой авторитарный строй, который

"... совсем не означает, что законы не нужны или бумажны", допускает даже "самостоятельность и законодательной и судебной и исполнительной властей" и основан на человечности".

Однако на предыдущей странице говорилось:

"... и тысячу лет жила Россия с авторитарным строем — и к началу XX века еще весьма сохранила и физическое и духовное здоровье народа... тот авторитарный строй имел... сильное нравственное основание — не идеологию всеобщего насилия, а правосудие, да древнее, семивековое православие... еще не издрганное Никоном, не оказаненное Петром."

Этот абзац, начавшийся торжественно "во здравие", заканчивается вполне "заупокойно":

”... В конце московского и весь петербургский период, когда то начало исказилось и ослабло... авторитарный строй стал клониться к упадку и погиб.”

Получается, что наиболее здоровым строй, сохранивший ”еще и к началу XX века... и физическое и духовное здоровье народа”, был до Никона и до Петра.

Воистину изумительная игра исторической мысли! Значит, расправы с Новгородом и Псковом — истребление десятков тысяч людей, опричнина Малюты, закрепощение крестьян, Смутное время, когда бояре и священники присягали то одному, то другому самозванцу, такие благодеяния первых Романовых, как, например, монополия на ”хмельное питье” и жестокие наказания женщинам, осмеливавшимся отваживать пьяниц от ”государевых кабаков”, — все это не мешает полагать этот авторитарный строй ”правосудным”?.. А расправы Ивана Грозного с духовенством не ”дергали” семивековое православие? Или уравнивались набожностью царя, его рачительными молитвенными поминаниями всех казненных и умученных им священников и мирян?

Но ведь о правосудии в России после Ярославовой ”Русской правды” и думать всерьез стали впервые только при Алексее Михайловиче и при Петре — т.е. после ”издергивания” и ”оказывания”. По схеме ”Письма...” ко времени губительного упадка должна быть отнесена пора преобразований в 60-е гг. XIX в., т.е. пора действительно великого обновления России.

За полустолетие после отмены крепостного права стремительно и плодотворно развивались все материальные и духовные силы нашей страны, были накоплены такие сокровища в экономике, в науке, в искусстве, в словесности, которые продолжали приносить плоды еще и после страшных разорений 1914-1921 гг. и после всех последующих беспримерно жестоких погромов национальной культуры в 30-х годах, и после новой губительной войны и новых расправ... Самые мощные и донныне неисчерпаемые источники духовной и материальной энергии, создающей русскую национальную культуру, начали высвобождаться, либо даже только зарождаться именно с преобразованиями Петра и особенно интенсивно в годы великих реформ XIX века.

Схема русской истории, так непоследовательно и внутренне противоречиво набросанная в "Письме", чтобы доказать необходимость авторитарного строя, основанного на старообрядческом православии, не менее далека от правды, чем все иные, предшествующие и сопутствующие ей схемы. А сами пожелания авторитарного строя, который должен допускать и свободу слова, и многообразие идеологий, и независимость судов, и т.п., более всего подобны мечтаниям героини "Женитьбы" Гоголя, которая хотела бы сочетать нос одного жениха с фигурой другого и нравом третьего...

Видимо, сознавая недостаточную убедительность ссылок на древнее благочестие, "Письмо..." предлагает, как более близкий по времени образец хорошей авторитарности, "Советы до июля 1918 года". Но это опять противоречие: ведь то были еще именно демократические Советы, в которых участвовали представители разных партий, и они-то как раз пытались противостоять авторитарному централизму.

Утверждение возможности авторитарного строя, основанного на свободных Советах, это абстрактно-логическая конструкция типа "жареное мороженое".

* * *

Итак, основа критической части "Письма вождям..." — разоблачение "идеологии" — оказывается не слишком оригинальным гипнотически пропагандистским приемом: обыгрыванием демонизированного мифа, подобно тому, как нацисты обыгрывали миф о "мировом еврействе", а сталинцы и маоисты — миф о "мировом империализме".

Неправдивые и несправедливые критические предпосылки неизбежно ведут к неправдивым и несправедливым обобщающим выводам. Призывы к обособлению России от мира, к созданию некоего сверхнеобычного авторитарного строя оказываются — несомненно против воли автора — всего ближе к идеалам сталинской автаркии "образца 1948-53 гг." и к программе маоистской "культурной революции", в которой сочетаются культ абсолютного авторитета Мао с требованиями неограниченной свободы для "линии масс" — обязательной сменяемости и "открытости для критики" всех слоев государственного, партийного и даже военного аппарата.

Критические суждения "Письма" далеки от действительности прошлого и настоящего. Будем надеяться, что его пожелания, наставления и прорицания окажутся не менее далекими от действительности будущего. Потому что наивные политико-экономические фантазии, которые А.Д. Сахаров справедливо назвал "религиозно-патриархальным романтизмом", при всем их аввакумовски вдохновенном декларативном идеализме, обнаруживают, увы, некие родственные связи с теми современными идеологиями и социологическими представлениями, которые несли и несут человечеству только новые бедствия.

Выразительным символом такого противоестественного и вместе с тем закономерного сближения может служить неожиданное у автора "Архипелага ГУЛag" одобрение Сталина, который, дескать,

"... от первых же дней войны не понадеялся на гниловатую порченную подпорку идеологии, а разумно отбросил ее, потом перестал ее поминать, развернул же старое русское знамя, отчасти даже православную хоругвь — и мы победили!"

Это одобрение тем более прискорбно, что построено опять на искажении—(и только ли бессознательном?)—исторических фактов. Сталин отбросил марксизм не "от первых дней войны", а за полтора десятилетия до этого, когда объявил реальной задачей и основным символом своей партийной веры "построение социализма в одной стране". А к "старому русскому знамени" прибегал не только он. В 1919 году приказом Троцкого была установлена форма Красной Армии по образцу старинной одежды русских воинов: шлем-"богатырка" (именно так и назывался в уставах, пока не стал именоваться "буденовкой") и стрелецкие галуны-петлицы на груди и на рукавах; многие выступления советской пропаганды против иностранных интервентов и против Врангеля — в частности стихи Демьяна Бедного — определялись националистическими лозунгами в не меньшей мере, чем "классовыми"; в 1920 г. "старым русским знаменем" помавали сообща Брусилов и Троцкий, когда началось вторжение армий Пилсудского; в 1923 году это знамя поднимали, отвергая ультиматум Керзона, и в 1927 г. против Чемберлена, и в 1929 г. против китайского наступления на КВЖД.

В 1931 г. Сталин на совещании хозяйственников начал ожесточенный поход против традиций русской национальной культуры, хамски невежественно понося русское прошлое ("Россию всегда били..."). В те годы были разрушены сотни церквей, среди них храм Христа Спасителя и Иверская часовня в Москве, продавались ценности Эрмитажа ("трактора нужнее старых картин"), и т.п. И так же, как после уродливых "перегибов" затеянной им коллективизации он цинично взвалил ответственность за "головокружение от успехов" на своих покорных исполнителей, так после страшных голодовок 1933 г., после прихода к власти Гитлера и расширения японских завоеваний в Китае, он понял опасность насаждаемого им национального нигилизма и в 1934 году круто повернул, обрушился на Покровского и Демьяна Бедного, "развернул старое знамя" и ввел "закон об измене Родине" (само это понятие ранее отсутствовало в его словаре). С той поры он уже никогда не свертывал этого знамени. Оно широко развевалось и в учебниках истории, рядом с которыми Соловьев и Ключевский казались революционными марксистами, и в газетах, и в фильмах об Александре Невском, Суворове, Минине и Пожарском, и в массовой беллетристике. А после войны, когда, по странному утверждению "Письма" якобы опять "вытащили из нафталина передовое учение", Сталин как раз выше прежнего поднимал именно "старое знамя". Возвеличивание Ивана Грозного и "прогрессивной" опричнины, державная канонизация Юрия Долгорукого, который в прошлые века считался захолустным князьком сомнительных нравов, бурные потоки сверх-урпатриотической беллетристики, драматургии, кинематографии и "научно-популярной" публицистики нарастали до 1953 г. и не иссякают, впрочем, и доныне. Все это сопровождалось таким бесшабашным разгулом ксенофобии, о каком могли только мечтать самые фанатичные староверы. Изгнание "непокорных" племен — калмыков, немцев Поволжья, балкарцев, чеченцев, ингушей, крымских татар и греков; изгнание немцев из Восточной Пруссии; закон, каравший тюрьмой за брак с иностранцем... Посмертному осуждению — за то, что воевали с Россией — подверглись и реально существовавший Шамиль, и мифологические герои киргизского и туркменского фольклора. Вперемешку с крикливыми восхвалениями действительных и мнимых "приоритетов" русской науки и техники иступленно

поносились всевозможные иноземные злопыхатели прошлого и настоящего, насаждалось враждебное недоверие, а в лучшем случае высокомерная снисходительность ко всем иностранцам, откровенный и полуоткровенный антисемитизм. Эти якобы патриотические чувства проникали в сознание и в подсознание многих людей, окрашивали и прозу, и драматургию, и поэзию, просочились они и в мировосприятие автора "Письма...", который почел возможным одобрить "разумное" отношение Сталина к "старому русскому знамени и отчасти к... хоругви".

Не следует только забывать, что это сталинское благоразумие возникло задолго до войны и неуклонно нарастало после нее и что оно совершенно неотделимо от всех достижений его великодержавия, в том числе и от тех, которые запечатлены в "Архипелаге ГУЛаг". Бесстыдные претензии сталинцев на марксизм, которым так наивно верит — или делает вид, что верит — автор "Письма...", столь же закономерны и обоснованы, сколь и претензии Гитлера или Муссолини на социализм, а католических и протестантских террористов в Ирландии — на христианство. Вся внешняя и внутренняя политика, вся идеологическая, пропагандистская и воспитательная деятельность старых и новых сталинцев наглядно воплощает исторические закономерности, установленные Н. Бердяевым: "... в послереволюционное новое всегда входит самое дурное старое. Это иллюзия, что революция порывает со старым, оно выявляется лишь в новом обличьи. Старое рабство меняет одеяние, старое неравенство преобразуется в новое неравенство". ("О рабстве и свободе человека", Париж, 1939).

Те же горестно справедливые мысли поэтически воплотил Максимилиан Волошин во многих историко-философских стихах и в частности в поэме, которая озаглавлена "Северо-Восток"(!): "Сотни лет жестоких страшных пыток, и еще не весь развернут свиток и не замкнут список палачей". Эти пророческие слова написаны в 1923 году! И в той же поэме: "... бред охранок, ужас чрезвычайек... в комиссарах дурь самодержавья, взрывы революции в царях". Полвека тому назад поэт зорко и пронизательно усмотрел трагические закономерности родной истории. И не только он. Немногим позднее Анна Ахматова написала: "... жить в Кремле нельзя, преображенец прав! Здесь древней ярости еще кишат микробы: Бориса дикий страх нет, всех Иоаннов злобы, и самозванца спесь взамен народных прав".

Это и поэтическая и историческая правда о традициях "авторитарной" великодержавности, преемственных от Шемяки и Скуратова до Ягоды, Ежова, Берия. "Импортная идеология", которой придает такое непомерное значение "Письмо", только один из временных декоративных орнаментов.

Действительная идеология сталинцев, и доньне живучая, пронизывающая наше общественное бытие и повседневный "частный" быт, школьные учебники, газеты и беллетристику, — это идеология тоталитарной бюрократической партийности, великодержавного шовинизма и прагматической беспринципности в толковании истории, современности, экономических или этических проблем. Любые такие толкования определяются только непосредственно злободневными потребностями внешней или внутренней политики, так что сегодняшние "теоретические" утверждения могут быть прямо противоположны вчерашним.

Тоталитарность, шовинизм и прагматизм — неотъемлемые существенные особенности этой реально властвующей государственной идеологии, а все условно сакральные (революционные, интернационалистические, демократические, социалистические, коммунистические, гуманистические и т.п.) формулы или даже многотомные издания — суть лишь декоративные побрякушки, чисто внешние ритуальные, реликтовые "пережитки", подобно обращению "товарищ" или девизу "пролетарии всех стран, соединяйтесь".

В своей реальной сущности идеология сталинщины значительно дальше отстоит и от старого большевизма, и тем более от всех, и старых и новых, видоизменений марксизма, чем от иных современных консервативных, националистических и религиозных идеологий — в том числе и от того "ново-староверия", которым проникнуто "Письмо вождям..."

Потому, что утверждаемые в "Письме" идеалы национальной обособленности и исключительности, апология авторитарного строя, органическая враждебность демократии и всем видам гуманизма (ренессансного и просветительского), и методология произвольного манипулирования фактами, антифактами и фигурами умолчания, — все это, по сути, близко основным элементам советской идеологии. Они восприняты, разумеется, бессоз-

знательно, освобождены от рудиментарных революционных и квази-марксистских оболочек, либо даже снабжены обратными знаками: + вместо — или наоборот.

7

Однако все, что в этом "Письме..." представляется нам неправильным, несправедливым и даже опасным по своим возможным последствиям, не исчерпывает его содержания и общей значимости.

Вполне оправдана и своевременна выраженная в нем мучительная тревога за судьбы России и русской национальной культуры.

Хотелось бы, чтобы побольше соотечественников услышали его страстный призыв избавиться от казенно лживого самоуспокоения, от высокомерной хвастливости и серьезно задуматься над решением насущных, жизненно важных проблем нашего духовного и материального существования.

Его требования беречь, пестовать, бдительно охранять родную природу, памятники национальной культуры, восстанавливать разрушенные и возрождать заглохшие источники народного творчества можно только приветствовать — и необходимо снова и снова конкретизировать всеми доступными средствами в печати, в общественных организациях.

Убедительны и справедливы размышления о том, что следует решительно перестроить методы планирования и управления в сельском хозяйстве и промышленности, избавиться от методов, основанных на власти некомпетентных равнодушных администраторов и руководствоваться реальными жизненными потребностями народа, а также интересами будущих его поколений.

Радует в "Письме..." внятно высказанный отказ от любых форм насилия, убежденность в том, что по-настоящему оздоровить, улучшить наш общественный и государственный строй можно только "плавно", т.е. ненасильственно.

Россия достаточно изведала горький исторический опыт бессмысленных и беспощадных братоубийственных кровопролитий. Разумные слова "Письма..." противостоят разглагольствованию тех экстремистов из старой и новой эмиграции, которые

— кто по самоослепляющему фанатическому невежеству, кто из своекорыстных политиканских расчетов — голосят о необходимости новых русских революций.

Живой болью проникнуты строки о тяжелой судьбе русских женщин, о бедствиях массового пьянства, об упадке образования...

Все эти несомненные достоинства "Письма вождям..." не искупают его недостатков, — к сожалению, не случайных, а лишь усугубляющих те же элементы "большевизма навыворот", которые проявились в прежних публицистических выступлениях автора. Однако сами по себе они, конечно, могут быть плодотворны.

О "ЕВРЕЙСКОМ ВОПРОСЕ" В СССР (Письмо Р. Медведеву)

Москва. Май 1971

Дорогой Рой Александрович! Ваш краткий трактат "Ближневосточный конфликт и еврейский вопрос в СССР" я прочитал, испытывая неизменное уважение к автору. Но я полагаю нужным написать Вам, чтобы дополнить — вернее, уточнить, — некоторые Ваши соображения.

1. Прежде всего, необходимо определить само понятие *евреи*; ведь многие особенности пресловутого "еврейского вопроса", где бы он ни возникал, связаны именно с неопределенностью этого понятия.

Говорить о евреях как о расе или этносе (см., например, интересные, но, по-моему, в значительной мере фантастические, мифологизирующие статьи Л.Н. Гумилева в "Природе" №1-2, 1970) нельзя. Ведь уже в библейские времена деления на "12 колен", на Иудею и Израиль означали племенные этнические различия. Древнее еврейство было религиозно-политическим союзом разных племен, таким же, — если не более зыбким, — как эллины в эпоху Гомера; а все последующие войны, пленения, завоевания и два тысячелетия рассеяния только усиливали и умножали биологические и культурно-психологические различия между потомками этих племен. Совершенно очевидны различия между сефардами и ашкенази, между африканскими, среднеазиатскими, арабийскими, кавказскими, китайскими, индийскими евреями. Они, так же, как евреи разных европейских стран, различны по языку и по внешнему облику, по образу жизни и по мировосприятию, и часто отличаются друг от друга не меньше, чем те народы, среди которых они живут.

2. Но вместе с тем разнородные, разноязычные, чаще всего никак не связанные между собою еврейские общины, веками сохраняли обособленность и в этом обособлении некоторые общие элементы — религиозные предания, молитвы, обряды, рудименты общего древнего — сакрального — языка.

Из этой относительной (а нередко и вовсе мнимой, кажущейся) общности, вопреки всем реальным абсолютным различиям возникало представление о некоем мистическом духовном и расовом единстве. Это представление по-настоящему стало оформляться, пожалуй, только в последние 150-200 лет вместе с развитием международных связей и секуляризованного мышления. Сегодня его развивают или заново создают и фанатичные иудаисты, и фанатичные антисемиты. Историю этого представления будут, вероятно, еще долго исследовать философы, социологи, психоаналитики, богословы, — так же, как тысячелетнюю историю цыган или индийских каст; мне думается, что все это — родственные явления.

Но пока суд да дело, понятие еврей, — зыбкое, по сути дела неопределимое, скорее мифологическое, условное, — в сознании множества разных людей связывает между собой французского офицера Дрейфуса и киевского плебея Бейлиса, американских интеллигентов Этель и Юлия Розенбергов, казненных как "русские шпионы", и московских врачей, в те же самые дни объявленных "убийцами в белых халатах", "агентами империализма США".

3. Вы называете евреями ученых и литераторов разных народов, разных стран только потому, что евреями считались их родители или деды, либо сами они не хотели отречься от гонимых, дискриминируемых.

Мой покойный друг Роман Пересветов — автор книг о летописях, потомок древнего боярского рода, был рыжеват, близорук, носил сильные очки, картавил; поэтому в лагере его принимали за еврея, а он, как русский интеллигент, не мог и не хотел это оспаривать. Он даже выучил идиш и древнееврейский — благо знал хорошо немецкий, арабский и некоторые другие языки, — и в своем же бараке нашел доброжелательных учителей.

Так вот, русский дворянин Роман Пересветов, пожалуй, мог бы считаться евреем с большим основанием, чем русские поэты Борис Пастернак, Давид Самойлов, Борис Слуцкий, которые никогда не знали еврейского языка и которым не приходилось, как Роману, отстаивать еврейское национальное достоинство кулаками или поленом от бывших полицаев.

4. Вы совершенно правы, утверждая, что сионизм возник не сам по себе, а как следствие резко усилившихся антисемитских

гонений в Австро-Венгрии, России и Франции в конце XIX века. Новый расистский антисемитизм не признавал уже ни крещения, ни ассимиляции, ни покорности. Теории Гобине и Х. Чемберлена подготовили практику Гиммлера-Эйхмана, антирейфусары и черносотенцы из "Союза Михаила Архангела" были прямыми предшественниками нацистских палачей.

Идеи и мифы сионизма возникли в сознании тех, кто хотел сопротивляться погромам, спасти своих близких от Освенцима и Бабьего Яра, противопоставляя смертельным угрозам, гонениям и унижениям древнюю мечту и новое мужество.

Но все горестные и страшные воспоминания, разумеется, не могут оправдать сегодня тех израильских ультра, которые изгоняют и унижают палестинских арабов. Ссылки на гибель миллионов европейских евреев, на преследования в Польше, на дискриминацию в СССР, на бессмысленный терроризм арабских фанатиков не оправдывают трагедии палестинских беженцев, массовых репрессий в районах, оккупированных израильскими войсками... Так же, с другой стороны, никакие ссылки на действительные и мнимые злодеяния израильских солдат не оправдывают тех преследований "поляков еврейского происхождения", преследований, которые с 1968 г. были одним из существенных элементов политики правительства Гомулки-Мочара. Не оправдывают и той системы "регулирования национального состава кадров" в наших учреждениях и учебных заведениях, которая от старой царской "процентной нормы" отличается еще и лицемерной секретностью.

5. Вы справедливо возражаете генералу Драгунскому, министру Дымшицу и редактору Вергелису, которые с таким наглым усердием уверяют, что у нас нет и не может быть "еврейского вопроса". Но до войны его действительно не было или почти не было. Когда в 1933 году вводили паспорта, я некоторое время колебался, что написать в графе "национальность": мои деды и бабки были евреями, но родители уже говорили и думали по-русски; с детства я рос в живой стихии русского и украинского языков, русского и украинского быта, фольклора, литературы, истории...

Секретарь комсомольского комитета на заводе, где я тогда работал, был очень удивлен, узнав, что я "записался" евреем. "Ты что, сдурел?! Ты ж ни говорить, ни читать по-еврейски не умеешь! Ты должен писаться украинец: ты ж украинскую школу

кончил, вирши по-украински пишешь. Я вот написался русский, хотя батки — украинцы. Но я русскую школу кончал, по-русски лучше умею и говорить, и писать. Ну, и ты можешь в крайности писаться русский, ты ж одинаково умеешь...

Я возразил, что до тех пор, пока знаю, что могу услышать упрек: "Ага, скрываешь, стесняешься...", я буду числиться евреем. Он сердито пожал плечами: "Ну, это у тебя какой-то мелкобуржуазный интеллигентский уклон получается... Кто может сказать такое? Только гад-белогвардеец, петлюровец. Гадов надо искоренять, а не думать, что они скажут. Не покомсомольски у тебя это получается".

Разумеется, и тогда были антисемиты. Светлана Аллилуева доказала, что Сталин был одним из таких. Но тогда это держалось в тайне, и явные жидоеды еще не редактировали газеты и журналы, не публиковали романы и "научные" трактаты, не руководили отделами кадров.

6. Впервые с "еврейским вопросом" я столкнулся в 1942-м году на фронте. Но антисемитские настроения в некоторых частях мы сами себе правдоподобно объясняли влиянием "новых граждан" — жителей Западной Белоруссии, Западной Украины, прибалтийских стран, которые, мол, так "буржуазно" воспитывались, а также нацистской пропагандой, которая оказывалась действенной потому-де, что немцы наступали и кое-кто стал им больше верить, а наша контр-пропаганда отставала.

В 1943-м году, то ли на февральском, то ли на июльском пленуме ЦК Сталин сказал (привожу его слова, как они были записаны членом Военного Совета фронта, который прочел их на собрании работников Политуправления без каких-либо своих комментариев): "Необходимо опять заняться проклятым вопросом, которым я занимался всю жизнь, но не могу сказать, что мы всегда его правильно решали... Это проклятый национальный вопрос... Некоторые товарищи еще недопонимают, что главная сила в нашей стране великая великорусская нация, а это надо понимать!". В том же разделе речи он сказал, как бы походя: "Некоторые товарищи еврейского происхождения думают, что эта война ведется за спасение еврейской нации. Эти товарищи ошибаются, великая отечественная война ведется за спасение, за свободу и независимость нашей Родины во главе с великим русским народом."

Вскоре после этого появились и первые распоряжения, разумеется, сугубо секретные, чаще всего только устные: об отстранении евреев с командных постов, о сокращении количества еврейских фамилий в наградных списках и т.п. Тогда это объясняли необходимостью противоборствовать антисемитской пропаганде нацистов.

7. В чем заключаются существенно новые особенности еврейского вопроса в наши дни?

До войны в СССР действительно существовала еврейская нация — примерно 4 миллиона человек говорили на одном языке, многие из них исповедывали одну религию. Эта нация имела свой фольклор, музыку, обычаи, литературу (М.М. Сфорим, Шолом-Алейхем). После революции выдвинулись такие поэты и писатели, как Маркиш, Фефер, Квитко, Бергельсон, возник замечательный театр Михоэлса и Зускина.

Принадлежность к этой нации — как и к любой другой — определялась реальными внешними связями между людьми, а также внутренним культурно-языковым сознанием каждого человека; национальное самоопределение личности было в значительной степени делом свободного выбора. Тот, кто родился евреем, но вырос в русской или украинской среде и не ощущал, не осознавал себя иным, чем его друзья, товарищи, земляки, мог, — до 1917 года, крестившись, а позднее и просто так, — считать себя русским или украинцем.

Значительная часть еврейской нации в нашей стране была истреблена. Гитлеровцы в 1941-44 гг. истребляли радикально и откровенно. Сталинские истребители действовали с 1937 до 1953 года постепенно и лицемерно потаенно. Одновременно шел процесс ассимиляции, наметившийся давным-давно, ускоренный революцией и, хотя затрудняемый, но все же неотвратимый.

Вследствие этого от еврейской нации в СССР теперь остались только разрозненные общины, — главным образом в западных областях, — остался журнал готового на все Вергелиса, несколько синагог и рудиментарная "автономия" Биробиджана.

Но зато тем большее значение приобрел и продолжает приобретать пресловутый "пятый пункт" анкеты; в некоторых учреждениях и учебных заведениях его уже по гомулковско-мочаровскому методу дополняют двойным подпунктом: "национальность отца и матери". Таким образом, теперь

национальность определяется не свободным выбором, не языком, не культурой (или религией), не национальной средой, в которой вырос, воспитан и живет гражданин первого в мире государства, провозгласившего интернационализм одним из принципов своего существования, — а только неким биологически-генеалогически-административным роком.

8. Нужно, однако, помнить, что сталинский антисемитизм вовсе не был чем-то исключительным, случайным отклонением или болезненной манией. Напротив, дискриминация и преследование "товарищей еврейского происхождения", "безродных космополитов", "агентов Джойнта" и т.п., были закономерным следствием всей предшествующей и сопутствующей великодержавной геноцидной политики "отца народов". В 1936-37 гг. дальневосточные области были "очищены" от китайцев и корейцев, переселенных в Среднюю Азию; тогда же Ленинградскую область "очистили" от финнов и эстонцев; в 1937-1941 гг. из старых и новых областей у западной границы выселяли поляков; в 1941 г. за одну ночь ликвидировали республику Немцев Поволжья; в 1943-44 гг. так же расправились с калмыками, чеченцами, ингушами, балкарцами, крымскими татарами, карачаевцами, с болгарами, греками и немцами, жившими на Украине, в Крыму и на Кавказе; в 1947-52 гг. массами выселяли на Восток латышей, литовцев, эстонцев, западных украинцев. А в 1953 году предстояло выселение евреев и абхазцев.

Политика, проявившаяся во всех этих фактах и только ослабленная, но отнюдь не прекращенная после смерти Сталина, стала одним из источников резкого обострения национальных противоречий и упорного роста националистических настроений, взглядов, мифов во всех национальных республиках и областях.

Впрочем, в этом наша страна не исключение. Беспримерный рост национальных и националистических движений по всей земле, — даже в тихой Швейцарии, в Уэльсе, а всего более в Африке, в Азии, в Латинской Америке, в движении негров в США, — не предвиденный никакими историческими науками, еще ждет исследователей и истолкователей. Этот мировой процесс бурного становления новых и возрождения "старых" наций вызывает к жизни древние и создает новые мифы, обостряет давние и вызывает новые противоречия, конфликты и трагедии. Одно из явлений этого процесса — новый сионизм,

который привлекает известную часть советских граждан еврейского происхождения, а также их друзей — нередко вполне "арийских".

9. В 1947-53 гг. разговоры, слухи, официальные и неофициальные сообщения о еврейском национализме в СССР, о заговорах, террористических актах и т.п., были злонамеренной ложью сталинских черносотенцев. Они использовали старые средства отравления душ, возбуждая низменные инстинкты мещанской черни — средства, действенность которых была подтверждена двенадцатилетним опытом гитлеровцев.

Экономические успехи и военные победы нацистской Германии, ее долгое и упорное сопротивление превосходящим силам противников вызывали у Сталина почтительную зависть.

Не случайно он так долго верил Гитлеру, верил вопреки донесениям всех разведчиков, вопреки своему вечному недоверию даже к самым близким, верил вопреки очевидности и здравому смыслу. Этой трусливой верой он обрек нашу страну на чудовищные беды, на кровавые жертвы и разрушения. Позднее он рабски наследовал политический опыт уже разгромленного Гитлера, явно полагая, что побеждены были только нацистские войска, а не нацистские идеи, не их государственный опыт. Сталинцы приняли на вооружение миродержавные претензии нацистов, а также их антисемитские мифы о мировом заговоре "сионских мудрецов", о вечной несовместимости еврейской крови с арийским духом, о врожденной злонамеренности всех, в ком течет хоть капля этой ядовитой крови...

Ложь распространялась шопотом, но она выразительно подчеркивалась практикой отделов кадров и травлей "космополитов", она выбалтывалась вслух в "закрытых" докладах — и поэтому стала куда более внятной, более убедительной, чем вся громогласная казенная болтовня об интернационализме и дружбе народов.

Следствием таких внешних ("глобальных") и внутренних причин явилось необычайно быстрое возрождение у нас антисемитизма. Он полулегален, законами запрещен, казенными инстанциями отрицается, но стал более массовым, чем был когда-либо раньше в истории России. И *вместе с антисемитизмом возродился сионизм*, исчезнувший фактически уже в 20-е годы. Теперь он значительно более активен и к тому же стал

качественно иным — благодаря существованию государства Израиль.

10. Трудно предположить, сколько в СССР еврейских националистов, какую часть из трех миллионов людей с еврейскими паспортами они составляют. Я думаю, что незначительное меньшинство. Но это чаще всего молодые люди, убежденные, даже фанатичные, бескомпромиссно решительные. Среди них немало таких, чьи родители и даже деды уже считали себя русскими, украинцами, белоруссами, есть и дети смешанных браков, обладатели "чистых" паспортов. Этих юношей и девушек, в детстве и в ранней юности сознававших себя русскими, загнал сначала в еврейство, а потом и в сионизм тот безликий административный рок, который мешал им поступать в институт, выбирать работу, который снова и снова убеждал их, что они — отличаются от своих соучеников, соседей, товарищей, от всех, кто не запятнан еврейскими генами, что они хуже их, отмечены некой каиновой печатью.

Наперекор этому року, наперекор брезгливой вежливости или откровенной грубости "кадровиков", отказывающихся принять заявления ("для таких, как вы у нас вакансий нет"), наперекор злобным окрикам в очередях, в электричках, в троллейбусах, наперекор опостылевшим рассуждениям благонамеренных родителей, — о "временных искажениях", последствиях "культа", о трагической диалектике современной истории, об иррациональной природе классовой вражды и т.п., — эти юноши и девушки в условиях общего социального и духовного кризиса начинают воспринимать клеймо как знак избранничества. Они изучают иврит, слушают радио Израиля, сознательно превращают себя в израильтян, добиваются отказа от советского гражданства, становятся деятельными сионистами...

Их нужно понять, им можно сочувствовать, — естественно сострадать преследуемым и уважать отважных, — но нельзя не видеть, что их взгляды основаны тоже на фантастической мифологии, на предрассудках и во многом, по существу, совпадают со взглядами антисемитов.

И те и другие верят в миф о "вечном еврействе" как особой расе, наделенной неизбывными нравственными и психологическими свойствами. Антисемиты считают такими свойствами всяческие пороки, а семитofilы и сионисты, напротив, — разнообразными добродетели. Но и те и другие представляют себе

еврейство, как некое всевременное и всемирное мистическое единство, отрицая даже наиболее очевидные факты, опровергающие этот миф.

Так, Юлиана Тувима считают евреем и Мочар и Меир Кахане, тогда как в действительности он был поляком — замечательным польским национальным поэтом. Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака называют евреями и черносотенцы, и сионисты.

Многие свободомыслящие интеллигенты, возмущаясь антисемитизмом, противопоставляют ему экзальтированное семитофильство и, защищая евреев, ссылаются на имена этих великих русских поэтов и на имена Рубинштейна, Левитана, Фета, Багрицкого... Такие ссылки есть и в Вашей работе. Вы тоже называете евреями русских литераторов и ученых, на основе их паспортных данных.

Но паспорта могут служить реальными аргументами только для административно-бюрократической практики и для антисемитских или сионистских теорий. А для просвещенных здравомыслящих людей, — будь то христиане или марксисты, последователи Владимира Соловьева или Владимира Ленина, — "паспортное" определение национальности это ирреальный абсурд.

11. Сегодня в нашей стране антисемитизм, "запрещенный законом", стал повседневной, широко распространенной и весьма действенной силой, влияющей на мировосприятие миллионов мещан: тех мещан, которые у станков, и тех, которые пишут стихи, романы или заседают в весьма номенклатурных креслах.

Сионизм запрещен более действенно — его исповедуют гонимые и преследуемые. Поэтому трудно публично спорить с ними, если не хочешь помогать гонителям, неприкосновенным для критики. Так же, как и Вы, я сознаю существенные объективные различия между нашим антисемитизмом и нашим сионизмом (подчеркиваю — *нашим*, потому что сионизм в Израиле — теория и практика власть имущих, и там он играет существенно иную роль, чем у нас). Мне тоже отвратительны грубые враки тех, кто отождествляет сионизм с фашизмом, подменяя причины следствиями, повторяет измышления и старых немецких и новых арабских фашистов.

Но должен признаться, что субъективно для меня сионисты не просто чужды, а действительно приближаются к антисемитам, потому что и те и другие отказывают мне в праве на родину, на родной язык, в праве причислять себя к той нации, к

которой я действительно принадлежу. Одни видят во мне и подобных мне людях опасных "иностранцев", другие считают нас предателями, отступниками. И те и другие относятся к нам с недоверием, неприязнью, а фанатики — и те и другие — с ненавистью.

12. Во многих странах звучат голоса, протестующие против ограничения прав советских евреев. Эти протесты направлены, главным образом, против злобных расправ с желающими уехать в Израиль, и против подавления еврейской национальной жизни (школ, синагог, театров, издательств).

Я понимаю добрые намерения большинства протестующих, но я не согласен, когда они говорят только о еврейском вопросе, только о дискриминации евреев, так, словно речь идет о Германии 1938 года или о Польше 1968-1969 гг. Это неправильно по существу и чревато вредными последствиями именно потому, что нарочито выделяет и действительных и мнимых евреев как особую, исключительную группу населения. Такое выделение по душе сионистам, но еще больше на-руку антисемитам.

Разумеется, надо требовать, чтобы позволили уехать в Израиль всем, кто этого хочет. Но так же решительно надо требовать, чтобы позволили крымским татарам вернуться к себе на родину, отнятую у них грубым произволом, чтобы позволили немцам, насильственно выселенным с Волги, из Украины и Крыма, вернуться в родные места или уехать в Германию.

Вообще никому нельзя препятствовать уезжать за рубеж, ибо свобода передвижения — одно из основных прав человека, утвержденных и советским основным законом, и международными соглашениями, в которых участвует наше государство.

Власти не должны мешать — хорошо, если бы содействовали — созданию еврейских школ, институтов, издательств, театров. Но в такой же мере должно содействовать тому, чтобы девять миллионов украинцев, живущих за пределами Украины, — на Кубани, в Казахстане, на Дальнем Востоке, — могли создавать украинские школы, институты, театры, местные газеты.

Отстаивая права еврейской национальности в СССР, нельзя рассматривать это как единственный требующий решения вопрос. Такие права осуществимы только вместе с единой хартией прав всех наций и народностей нашей страны.

Произвол сталинщины требовал определенной идеологии, необходимым элементом которой были инстинкты и мифы великодержавного шовинизма.

Но русскому народу и русской культуре двадцать пять лет сталинщины принесли больше бедствий, разрушений и невозместимых утрат, чем двести пятьдесят лет монгольского ига.

Старые и новые сталинцы пытаются заставить народ забыть об этом, хотят заглушить, затемнить историческую правду: в открытую, извергая потоки выпренных слов, ослепляя блеском парадной мишуры, и втихомолку, — разжигая национальную вражду, возбуждая недоверие к другим народам: к грузинам, армянам, татарам, узбекам, немцам, китайцам, американцам, чехам, полякам и, конечно же, к евреям. Антисемитизм — давно проверенный оселок для оттачивания любых шовинистических клыков.

Поэтому нельзя оспаривать антисемитизм, не оспаривая и других проявлений великодержавного и всех прочих видов шовинизма.

Так же, как нельзя оспаривать антисемитскую мифологию, не оспаривая мифологии сионистской, не возражая против жестоких реальностей сионистской политики в Палестине.

13 И самое главное условие для решения этих, как и всех других проблем нашей общественной и культурной жизни, разумеется, *гласность*.

Только в условиях открытых прямых дискуссий в печати и на трибунах можно было бы опровергнуть и злонамеренную ложь, и небылицы, распространяемые невеждами.

И тогда, вероятно, многим стало бы ясно, что у нас понятие *евреи* до сих пор служит для обозначения по меньшей мере четырех существенно разных групп населения:

- евреи-израильтяне — т.е. те, кто считают своей родиной Израиль и хотят туда уехать;
- евреи, сознающие себя особой национальностью, но считающие своей родиной Советский Союз — страну, где жили многие поколения их предков; они хотят *здесь* иметь свои очаги национальной культуры; их язык — идиш, а не иврит израильтян;
- евреи русские, украинские, белорусские, латышские, грузинские, бухарские, горские и др., которые говорят на

двух или трех языках и живут одновременно в двух национальных атмосферах. (Такое своеобразие духовно-культурной жизни в русской литературе представляют, например, И. Бабель или Э. Казакевич, который был русским прозаиком и еврейским поэтом);

- евреи только по паспорту, т.е. русские, украинцы, белорусы — потомки еврейских семей, которых с дедами уже не связывает ничего, кроме одной строчки в паспорте и анкетах.

Не сомневаюсь, что огромное большинство людей, числящихся евреями, принадлежат к двум последним группам. Поэтому сегодня у нас понятие *еврей* означает для большинства, по сути, не нацию, не народность, а некое *наследственное социальное положение*, своеобразное *сословие*, подобно тому как в 20-е годы было сословие "лишенцев", "бывших людей", в 30-е особым сословием стали родственники репрессированных, а в 40-х — все, кто были в плену или в оккупации.

14. Я принадлежу не к еврейской и не к израильской национальным группам, а к многочисленному еврейскому сословию русского народа. Я решительно отвергаю все декларации показательно-именитых советских евреев, декларации, в которые не верят ни сами авторы, ни их редакторы и читатели.

Но я не хочу, чтобы за меня заступались даже наиболее уважаемые зарубежные друзья. Дико представить себе, что какой-нибудь парижский или лондонский комитет стал бы настаивать, чтобы меня признавали русским, потому что мой прадед-контонист был русским солдатом и воевал в Севастополе, мой дед укреплял берега русских и украинских рек, выбился из рабочих в подрядчики, мой отец-агроном больше полувека работал на русских и украинских полях, мои дяди и братья похоронены в русских солдатских могилах...

Нет, я не хочу ничьего заступничества ни там, ни здесь. Но я очень хотел бы дожить до того времени, когда все, что я сейчас пишу Вам, можно будет высказывать открыто — в печати, по телевидению, в прямом разговоре с теми, кто сегодня называет "слухи об антисемитизме" в нашей стране злонамеренной клеветой.

Вероятно, я не доживу до этого, и сегодня могу довольствоваться только воспоминаниями о том, что в годы войны и

для немецких солдат и для польских граждан я был русским офицером, а теперь и для зарубежных друзей и для многих соотечественников я — русский литератор. Я хочу надеяться, что для моих внуков... Впрочем, мой старший внук уже пришел однажды со двора в синяках, заплаканный: "Ребята не хотят со мной водиться, кричат, ты еврей. Я говорю, неправда, я не еврей, я Дима. Они не верят..." Но все же я хочу надеяться, что Дима к старости забудет об этом, а если вспомнит, то лишь как о давнем нелепом прошлом.

Итак, будем надеяться. Без надежд очень трудно жить.

ОТ РОДА К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ

Книгу Гаролда Айзекса "Идолы рода" я в первый раз прочел единым духом, как читают увлекательную беллетристику. Потом стал перечитывать, не спеша, пристально и пристрастно, как научную работу на близкую волнующую тему.

Г. Айзекс много знает. Он рассматривает исторические документы, научные труды, серьезно исследует и свой непосредственный опыт, личные наблюдения. Он отнюдь не бесстрастный созерцатель, не коллекционер — накопитель сведений. И не дает своим богатствам оставаться втуне, заставляет их "работать", щедро делится ими с читателями.

Но это не просто "приключения отважной мысли", как сказал бы Гегель. Размышления Г. Айзекса пронизаны тревогой за судьбы людей — ближних и дальних, сограждан, современников и еще не рожденных обитателей нашей, все более тесной планеты.

Он пишет взволнованно, темпераментно, однако, старается объективно излагать не только суждения предшественников и единомышленников, но и чуждые, противоположные ему взгляды. Он не проповедует, не вещает непреложно, а думает, исследует, задает и такие вопросы, на которые сам не может найти ответа, без обиняков признается в сомнениях. Из того, что, и в том, как он пишет, проступает нравственный облик автора ("стиль это человек") — умного, талантливого и совестливого.

Однако радость, доставляемая книгой, еще не означает согласия с тем, что в ней высказано. А уважение к автору требует тем более откровенно и нелицеприятно говорить о разногласиях.

Мне представляется, что Г. Айзекс слишком широко и по существу не *исторично* (или недостаточно исторично) толкует понятие *нация и национальность*. Интересные наблюдения и мысли, заключенные в главе "История и происхождение" (History Harold R. Ysaaks. Ydols of the Tribe. in N.Y. 1975.

and Origin), приводят к таким обобщениям, которые, по-моему, чисто мифологичны, как, например, тезис о *врожденности национального характера*.

Г. Айзекс убедительно доказывает несостоятельность упрощенно рационалистических толкований понятия нации, толкований, опровергаемых "ироническим парадоксом" современных национализмов, которые возрождаются или даже впервые возникают именно в наше время, в эпоху необычайно интенсивного глобального развития всяческих интернациональных связей и "сверхнациональных" экономических и политических объединений. Впервые в истории человечества так непосредственно злободневны стали воистину общепланетарные проблемы — угроза термоядерной войны, разрушение биосферы, демографические "взрывы", исследования космоса. Благодаря международному культурному обмену, радио, телевидению, массовой печати небывалое прежде множество людей в самых разных странах познает и сознает животрепещущие *общечеловеческие* интересы.

Но в то же самое время все острее, все разительнее проявляются и националистические и шовинистические идеи, действительные и мнимые национальные противоречия.

Никакими умозрениями, ни формально логическими, ни диалектическими, ни по Гегелю, ни по Марксу, ни по Вундту или Спенсеру, ни социологам, ни политикам не объяснить новейшее возрождение, казалось бы, давно забытых племенных амбиций. Сегодня они провозглашаются национальными интересами, возбуждают все новые проблемы и споры в Ирландии, Уэльсе, Шотландии, Канаде, Бельгии, Прибалтике, Закавказье, Средней Азии, в Восточной Сибири, на Ближнем и на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в других краях. У нас в стране после нескольких десятилетий казенно догматического интернационалистского воспитания и пропаганды некоторые народности впервые начали сознавать свою национальную самобытность (буряты, якуты), а другие с новым упорством отстаивают подавляемые национальные традиции.

Так же, как и Г. Айзекс, я отвергаю упрощенный социологический материализм в толковании становления и развития народов; но я не могу принять и тот биологический материализм, который, ссылаясь на известные реальные биогенетические различия (глава "Body"), посредством этих логических

salto vitale приводит к утверждению внеисторических мистически постоянных особенностей национального "естества". Доказательствами такого постоянства приводятся примеры из новейшей истории США — диссоциативные процессы внутри "Melting pot", то есть возрождение или активизация разнородных национальных групп испанского, итальянского, польского, еврейского, немецкого, ирландского, литовского, украинского и пр. происхождения, а также опыт Израиля, где, напротив, заново возникает единая нация, сплавляемая из иммигрантов, различных по языкам, обычаям, по культурной "предистории". Немало аналогичных примеров есть и в современной жизни Индии, Китая, Японии.

Эти примеры должны доказать, что истоки современных наций кроются в глубинах разных исторических и даже доисторических эпох и что природа национального самосознания таит в себе не только рассудочные, реальные, но и мифологические, иррациональные, непознаваемые — во всяком случае пока еще не познанные-элементы.

Однако все эти факты не могут опровергнуть простой истины. Каждая современная нация — именно нация, а не племя, — это прежде всего *духовная, то есть культурно-историческая общность*. Нацию создают ее прошлое и ее настоящее — мифы, традиции, фольклор, предания, давняя и недавняя история и, конечно, живой язык, словесность, религия — все те плоды, виды, видоизменения общественного бытия и общественного сознания, которые образуют национальную культуру.

2

Вопреки "идолом рода" я убежден, что национальность не врожденна. Человек обретает национальную культуру и национальное сознание не с "кровью", не с генами и не с материнским молоком, а по мере того, как усваивает язык и тот конкретный жизненный опыт, из которого возникают и подсознательное непосредственное мировосприятие, и полуосознанное мироощущение, и ясно сознаваемое мировоззрение.

Нельзя просто по своей воле избрать нацию, как нельзя выбирать родителей. Но в определенных случаях молодые люди, наделенные живым энергичным восприятием мира, могут "перейти" из одной нации в другую. Примеры: Джозеф Конрад,

Гийом Аполлинер, Эжен Ионеско. Еще легче обретают другую нацию дети. Немецкие поэты Лямонт Фуке и Адальберт Шамиссо родились французами, Ленау — венгром, немецкий романтик Брентано и французский натуралист Золя родились итальянцами, французский поэт Эредиа по рождению кубинец. Русскими литераторами стали молдаванин Кантемир, бывшие немцы Фонвизин, Дельвиг, Кюхельбекер, Даль, Пильняк, Олеша, поляки Вересаев и Паустовский, армянка Шагинян, татарка Сейфуллина, грузин Окуджава, абхазец Искандер, кореец Ю. Ким и многие другие. Единственен в своем роде Владимир Набоков — одновременно русский и американский и притом великий писатель.

В развитии современной русской, немецкой и американской культуры плодотворно участвуют многие мыслители, писатели, художники, музыканты, артисты еврейского происхождения. Иным из них не позволяли забывать об этом происхождении не столько воспоминания детства, сколько напоминания антисемитов. Но и наиболее явственная еврейская "приправа" в судьбе и в сознании не помешала Гейне стать великим немецким национальным поэтом, а Бертольду Ауэрбаху даже первым писателем немецкой деревни.

Немцами были и останутся Маркс, Лассаль, Тухольский, Толлер, Бенъямин, Э. Блох, Зегерс, А. Цвейг, австрийцами останутся Фрейд, Кафка, Рот, Г. Брехт, Ст. Цвейг и многие другие, так же, как Юлиан Тувим — поляк и только поляк. Русскими мыслителями были С. Франк, Л. Шестов, М. Гершензон. Навсегда русские и только русские поэты — Фет, Мандельштам, Пастернак, Самойлов, Слуцкий, И. Бродский, А. Галич — русские и по судьбам, и по мировосприятию, воплощенному в слова; прозаики — Бабель, Тынянов, В. Гроссман, Е. Дорош... Списки имен можно еще значительно продолжить, особенно, если вспоминать художников, музыкантов, артистов.

Различать мастеров американской культуры по их этническому происхождению, пожалуй, и вовсе не мыслимо. Как бы остры ни были сегодня противоречия между отдельными этническими группами, как бы пылко ни прославлялись заново возрождаемые или впервые возникающие "идолы рода", но музыка и фольклор черных американцев, творчество Ричарда Райта, Джеймса Болдуина, подвиг Мартина Лютера Кинга так же нераздельно сплавлены с единой во всем ее противоречивом

многообразии американской культурой, как и творчество Чаплина, Артура Миллера, Гершвина, Сола Беллоу и других замечательных американцев.

"...Что же "ново" и что "старо" в росте этнического сознания, что в нем лишь пустой звук, а что существенно?" — спрашивает Г. Айзекс. "Какой новый плюрализм?" Так называется заключительная глава. Автор не дает однозначных ответов. И в этом одно из существенных достоинств его увлекательной и поучительной книги. Она побуждает развивать и дополнять наблюдения автора, искать ответы на его вопросы, заданные взволнованно и умно, вызывает на споры, заставляет читателя думать...

3

Иронический парадокс нынешнего многообразного возрождения "идолов рода" мне представляется закономерным, естественным, но отнюдь не однозначным по своей исторической и социальной природе.

Почти двести лет тому назад — в 1784 году — Кант надеялся, "...что после некоторых преобразовательных революций осуществится, наконец, то, что природа наметила своей высшей целью, а именно всеобщее *всемирно-гражданское состояние*, как лоно, в котором разовьются все первоначальные задатки человеческого рода."*

Великий русский ученый Владимир Вернадский, который уже полвека назад предвидел и возможности широчайшего использования атомной энергии и перспективы освоения космоса, писал:

"Впервые человек охватил своей жизнью, своей культурой всю верхнюю оболочку планеты — в общем всю биосферу, всю связанную с жизнью область планеты..."**

Но однозначен ли, только ли благотворен все нарастающий процесс объединения человечества, в ходе которого создается то, что Вернадский и вслед за ним Т. де Шарден называли *ноосферой*, обволакивающей землю людей?

* И. Кант. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. Сочинения т. 6, Москва "Мысль", 1966, стр. 21.

** В. Вернадский. Размышления натуралиста. Москва 1977, т.11, стр. 28.

Индустриальная цивилизация и, в частности, все расширяющееся воспроизводство и совершенствование "масс медиа", — тех средств массовой связи и массовой информации, которые воздействуют на сознание, подсознание и даже "предсознание" миллионов людей, — ведут к небывалой в истории обезличивающей стандартизации, к стиранию различий между отдельными людьми и группами людей — "коллективными личностями" — городами, племенами, нациями. То *отчуждение* человека, о котором некогда писали Гегель и Маркс, в наше время разрастается до степени безыходного одиночества двуногих термитов.

Гете радостно утверждал: "Das höchste Glück der Erdenkinder, sei stets nur die Persönlichkeit" (Наивысшим счастьем рода людского пусть всегда будет личность.)

А сто лет спустя Маяковский восхищался: "Россия вся единый Иван", воспевал блаженство, когда "каплей льешься с массами" и возглашал: "Единица! Кому она нужна?!.. Единица — вздор, единица — ноль!.."

Различны формы и средства обезличивания. В богатых странах преобладает власть "сладкой жизни", стандартизация всяческого комфорта, коммерческой и политической рекламы, стандартизация благ и стандартизация пороков. В странах бедных действуют обезличивающая нищета, стандарты казармы и концлагеря, шаблоны идеологий — казенной пропаганды, казенной эстетики и казенной педагогики.

Давлению всех этих обесчеловечивающих сил — мирных и воинственных, "сладких" и "горьких", — давлению государств, церковей, партий, индустриальных, коммерческих, полицейских, идеологических властей противостоят отдельные люди и группы людей, объединившихся, чтобы защищать свою "отдельность", особость.

Тираническому великодержавию, вселенски претенциозным идеологиям и стандартизирующей цивилизации сопротивляются бунтари, отщепенцы, еретики, изгои, секты, оппозиции — личности и группы личностей, объединяемые иногда лишь едва сознаваемым стремлением к самобытности.

И нередко в таких содружествах — сектах, партиях, движениях — в свою очередь возникают внутренние властные силы, стремящиеся любой ценой подчинить часть целому, меньшинство большинству, личность — обезличивающим уставам.

Нация, народность, племя, народ — суть коллективные личности и вместе с тем *сверхличные* общности. Их поборники — идеологи, вожди, властвующие учреждения — бывают нередко склонны презирать и сурово подавлять тех, кто не спешит жертвовать личным благом ради общего, не склонен "каплей литься с массами".

И все же каждая нация, каждое племя — самобытная, органически возникшая естественная сила, которая противодействует глобальным стандартам.

Эту закономерную противоречивость предвосхитил и признавал уже Гете полтора столетия тому назад. Споря с теми проповедниками объединения Германии, которые хотели сгладить все племенные и диалектные различия, он писал в 1821 году: "... от немцев требовали смешать воедино все свои разнообразные наречия только для того, чтобы достичь настоящего национального единства. Это было бы воистину нелепым смешением языков и привело бы не только к порче хорошего вкуса, но и к внутреннему разрушению своеобразного характера нации, ибо что могло бы получиться из нее, если бы стали сглаживать и нейтрализовать все, что значительно для отдельных племен?.. Оставим же раздельным то, что разделила природа, но будем соединять, связывать между собой все то, что на земле отделено большими расстояниями, и, не ослабляя своеобразия отдельных частей, будем связывать их в разуме и любви."*

Этот призыв Гете сегодня еще более своевременен, чем был в его дни. Сегодня возрождаются многие стародавние и возникают все новые национальные и националистические, племенные и этнические мифы, идеологии, плодотворные предания и глупотворные предрассудки. И во многих случаях естественное сопротивление всемирной, или даже только "всеевропейской", "общамериканской", "всеафриканской" или "общесоциалистической" унификации бытия и сознания оживляет плодотворные традиции национальных культур, рождает новые нравственные и художественные ценности.

Но, увы, нередко международная стандартизация лишь сменяется другой — провинциальной, мнимо народной, стандартным производством дешевого экзотического ширпотреба и

* Goethe, *Sämtliche Werke*. Artemis 1977. В. 14, 490.

казенного фольклора на экспорт, в утеху иностранным туристам и невежественным ревнителям отечественной "почвенности".

4

Патриотизм — здоровое органическое чувство привязанности к родине, родному языку, словесности, искусству, истории — "любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам" (Пушкин).

Национализм — болезненная напряженность патриотического сознания и патриотических чувств, которая возникает, как естественная реакция на ущемление национальных интересов, на угрозу национальному существованию.

Патриотизм и национализм бывают источниками настоящего искусства, настоящей поэзии. Тогда их плоды становятся живым достоянием и национальной культуры и всего человечества.

Однако из той же почвы, даже из тех же корней, что и добрые "идолы рода", чьи голоса вняты в творениях Гомера, Данте, Рабле, Сервантеса, Шекспира, Гете, Пушкина, Достоевского, Толстого вырастают и злые идола *шовинизма*. Они уже внушают не столько любовь к своему однородному, сколько ненависть ко всему чужеродному, инородному, к иным нациям, иным расам и к инакомыслящим соплеменникам.

Шовинизм всегда лжив, претендуя на превосходство, избранность одной нации, одного племени и принижая все другие. А шовинизм *великодержавный* всегда преступен, так как неизбежно ведет к угнетению более слабых народов, к жестоким расправам и кровавым жертвам.

Г. Айзекс утверждает, что "разнообразие родовое более всех других причин вело к озверению человеческого существования". Думаю, что классовые, религиозные и политические противоречия и даже спортивные страсти *внутри одного народа* бывают не менее brutальны.

Фрэнсис Бэкон, у которого Г. Айзекс позаимствовал "заглавное" понятие, придавал ему несколько иное значение. "Идолы рода" (в другом переводе "призраки рода") — "находят основание в самой природе человека". К ним Бэкон относил присущие всем людям врожденные представления и предрассудки и прежде всего уверенность, будто "чувство человека есть мера всех вещей". Он полагал, что такое представление, "примешивая

к природе вещей свою природу, отражает вещи в искривленном и обезображенном виде”*.^{*}

Это определение, пожалуй, годится и сегодня для характеристики предрассудков любого шовинизма.

Бэкон различал еще и другие виды "идолов", которые осаждают умы людей. "Идолы пещеры" — индивидуальные "заблуждения отдельного человека",** возникают вследствие особенностей его воспитания и личной жизни. "Идолы рынка... протекают как бы от взаимной связанности и сообщества людей".*** "Идолы театра... не врождены и не проникают в разум тайно, а открыто передаются и воспринимаются из вымышленных теорий и из превратных законов и доказательств".****

Характерно, что именно Фрэнсис Бэкон триста лет спустя вдохновляет американского исследователя. Однако мне представляется, что в становлении и развитии современного национального сознания, а также и националистических предрассудков действительно участвуют не столько "идолы рода", сколько идолы "пещеры", "рынка", и "театра", то есть школ, церквей, общественных форумов.

Все эти живучие идолы на протяжении многих веков и вплоть до наших дней не раз торжествовали, гася, вытапывая древние и новые чуждые им идеи, мечты и замыслы — проповеди христианских вселенских церквей, замыслы папского миродержавия, мечты просветителей — космополитов, теории интернационализма и все попытки их революционного осуществления, утопии безнационального братства эсперанто, необуддизма и др.

В храмах, у алтарей и жертвенников разноликих национальных идолов возникают все новые песни, все новые творения искусств, разыгрываются все новые трагедии и трагикомедии. Идолам приносят и еще долго будут приносить кровавые жертвы. Они вдохновляют и миллионы мирных почитателей и тысячи воинственных фанатиков-изуверов.

* Фрэнсис Бэкон. Новый Органон. Афоризмы. XI, I.

** Там же, XI, II.

*** Там же, XI, III.

**** Там же, I, XI.

Однако, живучи не только идолаы.

"И свет во тьме светит и тьма его не объяла" (Иоанна 1,5). Во все эпохи истории недобрым идолам противостояли добрые идеалы человечности, международного братства — идеалы Нагорной проповеди, призыв "несть эллина и несть иудея", надежды Руссо, Канта, Гете, Маркса, Кропоткина, Льва Толстого, Короленко, Швейцера, Вернадского, Т. де Шардена, М.Л. Кинга...

5

Г. Айзекс справедливо указывает на существенные различия между понятиями *нация* и *государство*.

Эти различия нередко становились трагическими, непримиримыми противоречиями. Так было в истории всех многонациональных государств — Римской, Российской, Австро-Венгерской, Османской и др. империй, и в истории тех наций, которых разделяли на части государственные границы, — в истории Польши, Украины, Германии, Италии, армянской и еврейской диаспоры, народов Латинско-Американской культуры...

Однако в этих же исторических трагедиях, так же, как в исполненной драматизма истории "Американской мечты", кроются завязи и старых и новых надежд.

Герберт Цанд — замечательный австрийский писатель, очень своеобразно толковал притчу о Вавилонском столпотворении.

"... Населялись острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих" (Бытие, 1, 10, 5). Но потом оказалось "На всей земле был один язык и одно наречие" (Бытие, 1, 11, 1). И тогда возник замысел, для автора "Бытие" необычайный, дерзновенный: "Построим себе город и башню высотой до небес и сделаем себе имя, прежде чем рассеемся по лицу земли" (Бытие, 1, 11, 3).

Цанд видит в этом предании отсветы древнейших попыток создать единоязычную державу — город. "Потому и дано ему имя Вавилон; ибо там смешал Господь язык всей земли и оттуда рассеял их по лицу всей земли" (Бытие, 1, 11, 5) ... Так стремление к надродовой сверхплеменной централизации, к искусственному державному объединению разных племен и народов привели к рассеянию, разобщению, к неодолимому разноязычью...

В библейском сказании предстает и доныне действенная закономерность. Непримиимо противоположны: великодержавные претензии и судьбы народов, бесчеловечные замыслы государств и жизнь людей.

На протяжении веков, тысячелетий, то возникали, то распадалась государства. Иные племена и народности сплывались так, что даже наименования отдельных частей исчезали, растворялись в очередном "столпотворении". Римские и византийские цезари, наследники Магомета и Чингиз-Хана успевали воздвигнуть немало городов и башен и "сделать себе имя", прежде чем наступало новое рассеяние... Обломки разбитых империй, остатки разгромленных племен снова и снова сочетались, перемешивались и сбивались воедино в державных "ступах" тяжкими пестиками неисповедимых исторических закономерностей, скипетрами калифов, шахов, королей, императоров, султанов, Габсбургов и Романовых, Бонапартов и Гогенцоллернов...

Однако ни варварское, ни античное, ни феодальное, ни "просвещенно" абсолютистское, ни империалистическое, ни тоталитарно идеологическое великодержавие не могли окончательно подавить живое разнообразие племен и народов. Вопреки самым жестоким давлению, вопреки всем соблазнам унификации сохранялись и темные идола рода и светлые идеалы национальных культур.

Гарольд Айзекс заключает свою книгу словами надежды:

"И все-таки можно вообразить структуру власти, новый плюрализм, в котором люди смогут лучше, чем сейчас, ужиться друг с другом. И те, кто, несмотря ни на что, верят, что такое более человеческое устройство человеческих дел — возможно, — должны держаться истинного и справедливого в нашем мире, даже если к этому истинному и справедливому мы пришли ложным путем."

Так и я надеюсь и верю. Не только благодаря, но и вопреки урокам истории. Надеюсь, что и самые мощные всеохватные потоки глобальной цивилизации и самые совершенные интернациональные общественно-политические структуры не превратят нашу землю в термитник, не обезличат человечество. Надеюсь, потому что верю в живучих идола рода и в жизнеспособность международных идеалов, верю, что и непримиимо противоречивые, они все же не исключают, а плодотворно дополняют друг друга.

"И свет во тьме светит и тьма его не объемлет".

ИСТОКИ ЧУДА

Явление Андрея Сахарова — чудо.

Был самый молодой член советской Академии наук, поглощенный сложнейшими проблемами физики, почитаемый коллегами и властями, трижды награжденный высшим орденом страны — Золотой звездой Героя Социалистического Труда и государственными премиями. Его будущее представлялось таким же безмятежным, как и прошлое...

А он внезапно — для стороннего взгляда внезапно — свернул с накатанного пути, начал защищать несправедливо осужденных и преследуемых — крымских татар, которым не позволяют вернуться в Крым; немцев, которых не отпускают в Германию; евреев, которых не выпускают в Израиль; православных и католиков, баптистов и пятидесятников, гонимых за свои верования; рабочих, утесняемых начальством; добивался политической амнистии и отмены смертной казни.

Он пришел в Союз писателей, когда исключали Лидию Чуковскую... Когда позвонили, что у кого-то идет очередной незаконный обыск, он, не найдя машины, приехал на попутном автокране. В Омске судили Мустафу Джемилева. Милиционеры силой вытолкали из коридора суда академика Сахарова и его жену Елену Боннэр. В Вильнюсе судили Сергея Ковалева — и опять Сахаров стоял у дверей. И в Калуге, когда судили Александра Гинзбурга. И в Москве, когда судили Анатолия Щаранского. И так множество раз... Уже перенес инфаркт, он поехал в Якутию навестить сосланного друга, и вдвоем с женой пешком прошел двадцать километров по тайге.

Его вызывали прокуроры и руководители Академии. Предостерегали. Уговаривали. Угрожали. К нему в квартиру вламывались пьяные хулиганы, палестинские террористы, некие "родственники" погибших в метро во время взрыва, оравшие, что он защищает убийц. По телефону и в подметных письмах ему обещали убить его детей, внуков. Из его стола выкрадывали рукописи. И, наконец, его бессудно выслали в Горький, под

домашний арест, под надзор целого подразделения мундирных и штатских охранников.

Но он не сдается. Снова и снова продолжает отстаивать права человека, призывать к справедливости и к политическому здравому смыслу.

Восхищаясь подвигом Сахарова, многие забывают о глубочайшем трагизме его жизни. И — о смертельной угрозе, которой он подвергается. Трагична судьба Сахарова, потому что душа его разрывается между страстью к науке ("... больше всего на свете я люблю реликтовое излучение...") и любовью к людям, не к абстрактному человечеству, а именно вот к этому страдающему, обиженному человеку.

Он тяжело болен. Он живет в постоянном нервном напряжении. И с каждым днем нарастает опасность для его физического существования.

Противники не могут его понять, называют блаженным чудачком, безумцем. Гораздо больше тех, кто видит в нем святого подвижника.

И нередко можно услышать голоса: "откуда в нашей стране в наше время это непостижимое, необъяснимое чудо?"

Еще до того, как о Сахарове узнал мир, он, возражая министрам, маршалам и самому Хрущеву, настаивал на прекращении ядерных испытаний. Он выступал против шарлатана Лысенко, когда тот еще был всесилен. Он отдал все полученные им государственные премии, больше ста тысяч рублей, на строительство онкологических больниц.

Как же стал он таким?

Андрей Сахаров единственен в своем роде; он — истинное чудо, и поэтому не может быть объяснен. Гений ученого — Божий дар. Однако, можно попытаться проследить истоки его мировосприятия, истоки тех нравственных сил, которые сделали его духовным вождем, олицетворением лучших надежд современной России.

С детства Андрей Сахаров дышал воздухом русской интеллигентности. Род Сахаровых с конца 18-го века — несколько поколений сельских священников. Прадед, Николай Сахаров, был протоиереем в Арзамасе, прихожане чтили его за доброту и просвещенность. Дед, Иван Николаевич, первым ушел из духовного сословия, стал адвокатом, переехал в Москву. В начале века был редактором сборника "Против смертной казни", был

знаком и сотрудничал с В.Г. Короленко; друг толстовской семьи, музыкант А. Гольденвейзер, был крестным отцом Андрея Дмитриевича. Отец — Дмитрий Иванович — стал физиком. Наши ровесники учили физику по его учебнику. Д.И. Сахаров был не только физиком, но и талантливым пианистом.

С первыми сказками бабушки, со звуками пианино, на котором играл отец, со стихами и книгами воспринимал Андрей ту духовную культуру, из которой выросли его представления о добре и зле, о красоте и справедливости.

Мы несколько раз слышали, как он читал наизусть Пушкина, тихо, почти про себя: "Когда для смертного умолкнет шумный день..." Он сказал однажды: "Хочется следовать Пушкину... Подражать гениальности нельзя. Но можно следовать в чем-то ином, быть может, высшем..."

Говорили о том, как Пастернак восхищался Нобелевской речью Камю, и Андрей Дмитриевич заметил: "Это по-пушкински, это — пушкинский кодекс чести..."

Вдвоем с братом Юрием они по-юношески азартно, перебивая друг друга, читали вслух "Перчатку" Шиллера и вспоминали свою детскую игру: один "мычал" ритм, а другой должен был угадать, какое стихотворение Пушкина тот задумал.

С Еленой Боннэр и Андреем Сахаровым мы познакомились в 1971 году на поэтическом вечере Давида Самойлова в Доме писателей. С тех пор мы нередко вместе читали стихи Пушкина, Тютчева, Ал. Конст. Толстого, Ахматовой, Арсения Тарковского, Самойлова, слушали песни Окуджавы и Галича.

Не только духовные традиции прошлого, не только литература воспитывали мироощущение Сахарова. Он был сыном своего времени. Школьником, студентом, молодым ученым, участвуя в разработке атомного оружия, он верил в идеалы социализма, верил в праведное величие своей страны. Но именно потому, что он верил глубоко, искренне и чисто, он тем острее воспринимал пропасти между идеалом и действительностью и, созревая, тем мучительнее пережил крушение юношеской веры.

В 1978 году в интервью газете "Монд" о десятилетии Пражской весны он сказал, что в то время начался решающий перелом в его судьбе. В июле 1968 года он впервые опубликовал меморандум о мирном сосуществовании двух общественных систем.

Сто лет тому назад Достоевский в речи о Пушкине сказал: "Быть настоящим русским значит быть всечеловеком". Сегодня это вновь подтверждает Андрей Сахаров.

1981

НЕ ПОКЛАДАТЬ ОРУЖИЯ СЛОВА
(речь на церемонии вручения Премии Мира
Немецкого общества книготорговли во Франкфурте
18 октября 1981 года)

Господин Федеральный Президент! Господин Обербургомистр! Господин Кристиансен!

Дорогая Марион Денхофф, дорогой Генрих Белль, уважаемые господа... Благодарю!

Благодарю — это должно быть сегодня моим первым словом. Чтобы выразить все те смутные чувства, которые меня наполняют с того дня, когда я услышал о премии мира, я не нахожу слов и в родном языке. Я сердечно благодарен всем, кто содействовал тому, что я стою сегодня здесь... Я знаю, что эти почести предназначены вовсе не мне одному, а очень многим моим соотечественникам, чьи усилия, труды и страдания посвящены самоотверженной борьбе за права человека, за мир между народами, а также многим литераторам, чьи произведения исполнены человеколюбия и воли к миру.

Подлинная духовная жизнь во всех странах и особенно в авторитарных или тоталитарных государствах развивается независимо от государственной власти. Государственно-политические, идеологические и административные традиции чужды или прямо противоречат духовным и нравственным традициям национальной культуры, либо ей непосредственно враждебны.

Единая немецкая нация и все яркое разнообразие единой национальной немецкой культуры возникали и развивались во многих государствах, в том числе и в самых малых. За много десятилетий до того, как здесь, в этом прославленном храме,* начали обсуждать предложения о создании единого немецкого государства, маленький Веймар уже был столицей немецкой национальной культуры.

Гете родился здесь, во Франкфурте, черпал свои познания, свой опыт в различных краях, принадлежавших различным государствам. Но и все немецкие государственные власти, будь

* Вручение премии происходило в церкви св. Павла, где в 1848-1849 гг. заседало общенемецкое учредительное собрание.

то прусские, австрийские, веймарские, саксонские и другие, так же, как и все французские власти — королевские, республиканские, наполеоновские и снова королевские, все государства и правительства, к которым Гете иногда обращался с искренним уважением, либо играли вовсе незначительную роль, либо служили частицами удобрения той почвы, из которой вырастало вечнозеленое древо его творчества, простирающее ветви на многие страны.

Государства и идеологии проходят; однако на все века живет дух нации, живет в языке, в поэзии, в искусстве, в многослойном мире мыслей, вдохновляет все новые поколения, воспринимается и развивается по-своему другими народами. Каждая национальная культура испытывает влияния, воспринимает традиции, черпает из культурных сокровищ других наций. Сегодня большинство народов в своем духовном развитии многообразно связаны друг с другом. Но "отечественные" власти могут, конечно, отравлять жизнь мыслителям, писателям, художникам, могут им покровительствовать или преследовать их, могут расточать или накапливать культурные сокровища, но не могут ничего производить. Ни одно государство, ни одна политическая партия не способны создавать культуру. Подкушенные или изнасилованные художники становятся бесплодными. И напротив: духовная независимость, духовное сопротивление, открытое противоборство или даже только тихое, потаенное отчуждение — это необходимые предварительные условия плодотворного развития, — даже и в тех случаях, когда отдельные поэты, художники и философы сами искренне убеждены, что они послушные подданные своего государства.

Об этом свидетельствует история культуры во всех краях немецкого языка: об этом свидетельствует история польской культуры, которая вопреки полустолетнему разделению народа, угнетаемого в трех различных государствах, великолепно развивалась. Об этом свидетельствует и вся история русской культуры, русской литературы с ее самых ранних начал и до сегодня. Отчуждение старых русских государств от народа и национальной культуры было известно многим великим людям в России. О нем скорбели или его обличали консервативные и либеральные патриоты, славянофилы и западники, умеренные народники и радикальные революционеры. С начала XVIII века государство петербургских императоров во всех

внешних формах было глубоко чуждым народу, антинациональным. И насколько отчужденнее, враждебнее всем нациям империи стало государство, которое называет себя социалистическим! А по новой конституции даже народным.

После большевистского переворота в ноябре 1917 года несколько лет бушевала жестокая гражданская война. Большевистское правительство с самого начала подавляло прежде всего революционные силы, подавляло социальную революцию русских крестьян, рабочих и интеллигентов, подавляло и социальную и национальную революцию тех народов, которых угнетало царское великодержавие. В последнем году гражданской войны, в 1921 году, были жестоко подавлены восстания крестьян на Украине, в Сибири, в Тамбовской губернии, восстания матросов в Кронштадте, а также сопротивление грузинских и армянских социалистов. Тогда полякам, финнам, эстонцам, латышам и литовцам удалось отстоять свою национальную независимость. Но не прошло и 20 лет, как Сталин в союзе с Гитлером вернул три балтийских народа и кусок Польши обратно в состав империи. Финны остались несломленными. То, что советское государство, которое в первые годы своего существования было очень слабым, все же выиграло гражданскую войну, вопреки превосходящим силам многих государств, оказалось возможным еще и потому, что большевики — Ленин, Троцкий и их товарищи не просто подавляли революцию, но одновременно умели демагогически повести за собой, использовать и некоторые революционные силы. Однако Сталин был уже не только коварней, чем его в общем более интеллигентные предшественники; он более реалистично и прагматично воспринимал историю и политическую современность. Его главной целью было именно восстановление империи, великой державы, а все социалистические и коммунистические лозунги мировой революции и вся деятельность Коминтерна — только идеологическими средствами. Сталинское правительство открыто объявило о своих связях с прежним империалистическим великодержавием уже в 30-е годы, когда начали торжественно чествовать былых царей и царских полководцев, начали прославлять даже кровожадного Ивана Грозного, громогласнее, чем было возможно раньше при царях.

Тоталитарное советское государство стало значительно более жестоким и более всеохватным, чем все предшественники.

Государству подчинены сельское хозяйство, промышленность, торговля, профсоюзы, вся система народного образования, начиная от детских садов, все средства массовой информации, издательства, печать, "ведомства культуры", все общественные организации, по-новому огосударственная церковь... Но огромный необозримый аппарат власти во всей своей многослойной, чрезвычайно сложной структуре духовно бесплоден или вредоносен.

Однако вопреки всему духовная жизнь русского народа и всех других народов Советского Союза развивается независимо от этого аппарата. Так оно было, так есть и так, — я глубоко убежден, — будет и впредь.

В годы безоглядно террористического и самоуверенного произвола палачи и их подручные действовали беспрепятственно. Тогда им не мог помешать ни один голос протеста. В те годы были арестованы более 600 писателей. 180 из них погибли. Еще больше было число арестованных, сосланных, убитых художников, ученых и других интеллигентов. Но и тогда, и в те самые мрачные годы, не иссякали источники русских духовных традиций. Книги Ключева, Бабеля, Пильняка и др. уничтожались. Стихи Ахматовой и Цветаевой не публиковались, но книги Пушкина, Толстого, Чехова и даже Достоевского нельзя было запретить. Это было невозможно. Пытались их всячески идеологически перетолковывать, но они были, они существовали, они жили в школах, в библиотеках, в театрах, в книжных шкафах многих семейств. И несмотря на смертельные опасности, несмотря на чудовищное давление цензуры и той идеологии, которая многих и впрямь увлекала, впрямь будоражила, в России жили и творили в тишине такие философы как Михаил Бахтин и Владимир Вернадский, поэты и писатели Анна Ахматова, Борис Пастернак, Всеволод Иванов, Михаил Булгаков, Михаил Зощенко, Андрей Платонов, Александр Твардовский. Тогда их мысли, их произведения были известны лишь частично или же очень узкому кругу; но они существовали, они создавались, и в последующие годы они становились все более влиятельны и плодотворны.

Сочинения индоктринированных или подкупленных авторов, несмотря на массовые тиражи, несмотря на премии и ордена, забываются, остаются в прошлом. Но живет слово, воплотившее правду национального бытия и дух народа, живет и в тех произ-

ведениях, которые создавались за рубежом: в книгах Н. Бердяева, Г. Федотова, Бунина, Цветаевой, Набокова, Ремизова и др.

В демократических государствах обычно мирно сосуществуют государственные власти и свободные писатели, мыслители, художники. В условиях терпимости более или менее спокойно развиваются рядом государственно-политическое бытие, будничный быт и духовная жизнь нации. Но в деспотических, тоталитарных государствах это всегда драматичные противоречия. Это сопротивление, исполненное надежд или отчаяния. Но именно эти противоречия между насилием и духом, между властвующей державой и подвластным народом, эти неразрешимые противоречия и питают сегодня наши надежды на мир.

2

Мир или война. Соглашение или война. То или иное должны были выбирать люди с тех пор, как они стали людьми. И войны и героев войн они прославляли куда более красноречиво, многокрасочно, чем защитников мира и миротворцев. Античные музы восхищались гневом Ахилла, хитроумием Одиссея, на востоке и на западе издавна слагались прекрасные песни о военных подвигах, о русских богатырях, о немецких рыцарях, о французских шевалье. У писателей и художников духи войны имели куда больший успех, чем тихая Эйрена — богиня мира.

Гераклит учил: "Война — отец всех вещей". Ницше устами Заратустры провозглашал: "Любите мир лишь как средство для новой войны... Война и воинское мужество создали больше великого, чем любовь к ближнему". "Кто хочет мира — готовь войну", — говорили воинственные римляне. "Война есть продолжение политики другими средствами", — утверждал Клаузевиц; с ним соглашались Гегель и Маркс.

40 лет тому назад в это самое время нацистский вермахт начинал последний штурм Москвы и Ленинграда. Наступали солдаты, привыкшие к победам, завоевавшие уже весь европейский континент; несметные танковые колонны, эскадры бомбардировщиков, штурмовых самолетов... Русские города и деревни пылали. Русские армии отступали под натиском превосходящих сил, и Гитлер уже самоуверенно сказал: "Этот враг повергнут на землю и никогда больше не поднимется". В те дни для нас, для всех моих товарищей существовал только

один выбор — война до последнего дыхания. Но мы верили, что это будет последняя война... Исполненные веры, пели мы старую песню летчиков: "За вечный мир в последний бой лети, стальная эскадрилья", пели Интернационал, который тогда еще был государственно-национальным гимном: "Это есть наш последний и решительный бой".

40 лет назад в это время я принадлежал к тем, кто был убежден, что уничтожение фашистской военной машины откроет просторную светлую дорогу к вечному всемирному миру.

Это были не первые иллюзии такого рода, и мы были не первыми утопистами.

200 лет тому назад Дени Дидро и Иммануил Кант верили, что просвещение, международная торговля и разумная, нравственная государственная политика постепенно освободят все народы от недоверия, от враждебных инстинктов и что войны станут невозможными сперва в Европе, а потом во всем мире.

100 лет тому назад Маркс, Энгельс и их ученики утверждали, что глубокие социальные изменения — революции, которые преобразуют все прежние отношения собственности, производительных и государственных сил, уже тем самым обеспечат вечный мир.

Еще 50 лет тому назад на улицах европейских городов можно было видеть закливающие плакаты: "Никогда больше не будет войны".

Сегодня опять звучат тревожные сигналы. Но сегодня выбор уже не тот, что был раньше: "Война или мир", "Соглашение или вражда". Сегодня все просто: мир — либо всемирная катастрофа; соглашение — либо гибель большинства людей.

3

Но значит ли это, что мир требует капитуляции, что миролюбивые народы и государства должны подчиниться грубому диктату тоталитарных держав? Неужели есть только две возможности, которые здесь иногда лапидарно формулируют: "Лучше стать красным, чем мертвым" или "Лучше умереть, чем стать красным".

Нет, я думаю, что перспективы мирного развития человечества более многоцветны. Я не хочу здесь рассуждать о государственно-политических и стратегических проблемах, о вооружении, довооружении, о разрядке или устрашении. В этих областях я

не компетентен, а дилетантизм "политологии домашних застолий" меня не соблазняет.

Однако, я считаю своим долгом писать и говорить о тех силах мира, которые действенны вопреки всем властям, вопреки насилию и произволу. Польские рабочие и интеллигенты, крестьяне и священники сегодня в труднейших условиях жизни сопротивляются чудовищно превосходящим силам, сопротивляются мужественно и ненасильственно. Их окончательная и бесспорная победа имела бы огромное плодотворное значение для всего мира. Но независимо от того, как пойдут дальше дела в Польше, уже то, чего удалось достичь за прошедший год, укрепляет надежду: если этого достигли ненадолго немногие, то, значит, многие могут достичь надолго.

Сегодня всем должно быть ясно, что мир на земле можно по-настоящему сохранить только, если будут соблюдаться права человека. Права и самых малых национальных и социальных меньшинств и права каждого отдельного человека. Поэтому все, кто борется за соблюдение прав человека, это и есть истинные борцы за мир.

Защищать права человека сегодня опасно во многих государствах: от Южной Африки до Кореи, от Сантьяго до Москвы, в государствах, которые хотя и размахивают разными идеологическими знаменами, но в нетерпимости и в произволе родственно близки друг другу.

Однако сейчас я хочу говорить о борцах за мир в Советском Союзе. Я уже назвал здесь писателей, которые в самые страшные годы произвола олицетворяли подлинный дух нации, воплощали человеколюбие и волю к миру. И сегодня у них есть последователи, преемники. Я не решаюсь называть здесь все имена: русские, украинские, эстонские, грузинские, белорусские, армянские и другие необычно звучащие для вас имена. Для некоторых из этих людей моя похвала могла бы оказаться опасной. Поэтому я назову лишь тех, которым уже не приходится этого опасаться: Василий Аксенов, Иосиф Бродский, Владимир Буковский, Владимир Войнович, Петр Григоренко, Александр Зиновьев, Владимир Максимов, Виктор Некрасов, Андрей Синявский, Александр Солженицын, Валерий Чалидзе, Ефим Эткинд — живут сейчас за границей, они изгнаны или были вынуждены эмигрировать. Их книги издаются и здесь, в

Федеративной Республике Германии, на немецком языке. В этот час, с этой трибуны я хочу назвать тех авторов, кто живет в России, но публиковать свои произведения может только за границей. Это Раиса Лерт, Инна Лиснянская, Лидия Чуковская, Георгий Владимов, Владимир Корнилов, Семен Липкин, Рой Медведев, Григорий Померанц, Андрей Сахаров — их постоянно теснят, и каждый день они подвергаются угрозам. Многие из них заслужили эту почетную премию мира больше, чем я. И прежде всего — Андрей Сахаров — гениальный ученый и самоотверженный друг человечества. Сегодня он, вопреки всем законам, сослан, отторгнут от своей работы, от своих друзей. Многие защитники прав человека в Советском Союзе арестованы, заключены в лагеря, в тюремные психиатрические больницы. Назову здесь хотя бы несколько имен: это Игорь Огурцов, филолог и христианский философ. Он уже больше 14 лет в тюрьме. Татьяна Великанова — математик уже два года в лагере. Юрий Орлов — физик и Микола Руденко — украинский поэт — уже несколько лет в строжайшем заключении только за то, что они создали так называемые хельсинкские группы, содружества лояльных, честных граждан, последовательных защитников мира. Анатолий Марченко — рабочий, который стал писателем, его книги известны во многих странах, осужден в шестой раз, подвергнут жестокому заключению. Константин Азадовский — германист, особенно много потрудившийся в развитии русско-немецких литературных связей, находится в лагере, историк Арсений Рогинский арестован по нелепо ложному обвинению. В Чехословакии в тюрьмах сейчас многие защитники прав человека, среди них всемирно известный драматург Вацлав Хавел, молодой историк Петр Уль и еще многие. Тревогу за них и за других, таких же как они, я хочу вселить в сердца всех, кто меня сейчас слушает и кто будет потом читать эти слова. Не забывайте о них. Напоминайте о них постоянно при любой возможности и советским, и чехословацким, и иным властям, и каждому гражданину этих государств, с которыми вы можете переписываться или разговаривать!

Но не только в эмиграции, в ссылках, в лагерях или в подполье развивается духовная жизнь России, творческие силы русского народа и других народов Советского Союза. Есть авторы, которые сегодня и там могут публиковать свои произведения. Есть поэты и прозаики, философы и богословы,

филологи, историки, художники, ученые, которые, несмотря на все идеологические табу, на все цензурные преграды публикуют работы, исполненные правды, человечности и воли к миру.

4

Добрая воля может достичь очень многого; может сопротивляться злым силам, может и преодолеть их.

После Второй мировой войны многие люди в Советском Союзе относились к немцам с недоверием, с враждебностью, потому что советская и гитлеровская военная пропаганда убедили их в том, что нацистское государство тождественно немецкому народу, что эсесовцы и грубая солдатня — мол, типичные представители немецкой нации. Незримую, но и непроницаемую стену недоверия и ненависти первыми пробили немецкие писатели. Этому я был свидетелем. 25 лет тому назад это были прежде всего книги Генриха Белля (который и сегодня, пожалуй, остается наиболее популярным иностранным автором в России и других советских республиках), а также книги Эриха Мариа Ремарка. С тех пор там публиковались книги многих других немецких авторов из Федеративной Республики Германии и из ГДР, из Швейцарии и Австрии, произведения Борхерта и Брехта, Макса Фриша, Фридриха Дюрренматта, Анны Зегерс, Эрвина Штриттматтера, Пауля Шаллюка, Зигфрида Ленца, Вольфганга Кеппена, Кристи Вольф и многих других. Они помогают миллионам людей в Советском Союзе лучше понимать и уважать своих немецких современников, помогают больше и лучше, чем все государственные деятели, все конференции и пакты.

Генрих Белль сказал однажды: "Тот, кто имеет дело со словами, кто пишет газетную заметку или стихи, должен знать, что каждым словом он приводит в движение миры, высвобождает расщепляемую энергию. То, что одного утешает, другого может смертельно ранить, и не случайно, что именно там, где дух воспринимает как опасность, прежде всего запрещают книги и подвергают жестокой цензуре газеты, журналы, радиосообщения. Во всех государствах, где царствует террор, слова боятся едва ли не больше, чем вооруженного восстания... И язык становится последним прибежищем свободы". Текст этой речи Белля я перевел 20 лет тому назад на русский. Его стали

передавать из рук в руки в Самиздате, снова и снова перепечатывали, я встречал его новые списки потом в других городах, в Саратове и в Новосибирске.

Пушкин назвал искусство книгопечатания новым видом артиллерии. Да, слово — это оружие. Иногда его недооценивают, иногда им злоупотребляют. Ведь словами орудут бессовестные демагоги, и клеветники и проповедники войн. Есть слова, подобные отрубям, и слова-зерна. Отруби уносит ветром, а зерно дает росток, приносит плод, снова и снова возрождается к новой жизни. Среди множества слов, которые были высказаны, спеты, написаны о мире и войне, были слова-отруби и слова-зерна. Нельзя также забывать, что и самое лучшее зерно можно переработать в хлеб и можно перегнуть в самогон. Да и самый лучший напиток может привести к злему опьянению.

Однако правдивые, мужественные слова поэтов и священников, мыслителей и журналистов, слова всех храбрых борцов за мир — это оружие мира.

Искать новые, небывалые слова — задача поэта. Но многие давно знакомые слова и сегодня благотворны. И сегодня могут помогать. За шесть веков до Христа Лао Цзы учил, что войны смертельно опасны не только для жизни плотской, но губительны и для души. Человеколюбивые учения этого китайского мыслителя и Будды за много веков устояли против всех бряцающих оружием возражений, оказались долговечнее всех некогда почитаемых и обожествляемых насильников.

Если бы я вырос в Индии или в Китае, я бы, вероятно, чтил иные божественные образы. Но из всего того, что я испытал и узнал в жизни, я пришел к убеждению, что Нагорная проповедь — это самая высокая, самая чистая вершина, которой может достичь человеческий дух.

Нагорная проповедь возвещает любовь даже к ненавидящим, к врагам. Впервые ее услышали немногие, несколько сот пастухов, рыбаков, крестьян и смиренных учеников, ее слушали бедные, страдающие, униженные, бессильные люди в крохотной стране.

Но с тех пор эту проповедь слышат сотни миллионов людей всех сословий и рас, и не могут ее заглушить ни военные громы, ни проповеди ненависти. И самые замысловатые толкования не могут извратить ее подлинный дух, ее подлинный смысл. Потому что однозначны слова любви и мира.

Скептические современники двух мировых войн могли еще отвергать требования всемирного мира между народами как пустые мечты, далекие от действительности. Однако сегодня впервые в истории человечества именно всемирные проблемы стали вместе с тем и проблемами всех народов, всех людей; угроза атомной войны, разрушение окружающей среды, разрушение биосферы, опасность перенаселения, — ”Демографического взрыва”, голода... И одновременно массовые средства информации, новейшие средства связи позволяют довести смысл этих угроз и опасностей до сознания большинства людей, до каждого человека.

Так приобретают новый смысл, новое содержание древние слова: ”Время бросать камни и время собирать камни... Время раздражать и время сочетать... Время молчать и время говорить...”.

Говорить и писать. Не покладать оружия слова. Этим оружием владеют поэзия и наука, церковь и газета, школа и радио, театр и телевидение. Они владеют силами, которые прочнее и действеннее, чем все бомбы и ракеты. Нужно только осознать эти силы и научиться ими пользоваться.

С древности славят военное искусство, искусство Цезаря, Фридриха Великого, Наполеона, Суворова, с древности чтут героев войны. Существует и военная наука, в которой подвизалось много больших умов. Но сейчас наступило время познать искусство мира, эстетику и героiku сохранения мира. Ведь мы теперь знаем, что поддержать и сохранить мир бывает куда труднее, куда сложнее, чем вести войну. И научно точными должны быть средства и методы сохранения мира; требуется их научно исследовать и научно осуществлять. Необходимыми предварительными условиями и основами такого искусства и такой науки мира должна быть правда, терпимость и дух Нагорной проповеди. Именно об этом свидетельствуют уроки мировой истории, в том числе истории Германии и России. Многие века русские и немцы неразрывно связаны друг с другом. Связаны в общении и дружественном и враждебном, в торговле и мастерстве, в войне и мире, но прежде всего и прочнее всего — в духе. Об этом еще должно быть написано много книг. Приведу лишь несколько примеров.

Первое поэтическое прославление Москвы принадлежит немецкому поэту: Пауль Флеминг, который в 1637-39 годах странствовал по России, писал вдохновенные стихи о Москве и

других русских городах, о краях и о людях. А в прошлом столетии жил в Москве немецкий врач Фридрих-Йозеф Хааз — известный как "святой доктор Федор Петрович Гааз", самоотверженный защитник и друг заключенных, друг униженных и оскорбленных, беднейших из бедняков...

Он умер 128 лет назад, но и сегодня неизвестные люди приносят цветы на его могилу на московском кладбище, которое в народе и сегодня еще называют "Немецким кладбищем".

Немецкая поэзия и философия стали неотъемлемыми частями русской духовной жизни. Провозвестники и защитники русской национальной самобытности, славянофилы, называли своими учителями Шеллинга и Гете. Из гетевского Фауста возникали русские фаустовские миры у Пушкина, Достоевского, Пастернака и Булгакова...

А Томас Манн писал о "святой русской литературе". Его значение для своего собственного развития и для духовного становления многих немцев он оценивал необычайно высоко. Он надеялся, что русско-немецкие отношения будут развиваться как "товарищество двух великих, страдающих, но исполненных будущим народов".

Осуществление такого плодотворного товарищества определяет смысл и цель моей жизни.

Русское слово "родина" непереводимо. Его можно только объяснить: страна, где рожден. Часто его переводят теплым немецким словом хаймат — кров, убежище, очаг. Но "хаймат" может быть и "вальхаймат", может быть избрана. Германия мне близка с детства как "хаймат" мечтаний и духовных стремлений, сегодня я нашел здесь убежище и возможность работать, свободно говорить и писать.

Россия — моя родина, Германия — "хаймат по выбору". И в этом нет противоречия, а напротив — контрапунктно-гармоническое единство. Именно такое, как писал Гете: "Так оставим же раздельным то, что разделила природа, но будем соединять и то, что разделено большими пространствами на земле и, не изменяя, не ослабляя характера каждого, будем соединять в духе и в любви".

(Перевод с немецкого)

CHALIDZE PUBLICATIONS

505 EIGHTH AVENUE, NEW YORK, N.Y. 10018

КАТАЛОГ

О С Е Н Ь — 1982

<i>Л. Копелев. На крутых поворотах короткой дороги</i>	7.00
<i>Юз Алешковский. Синенький скромный платочек. Скорбная повесть.</i>	7.00
<i>А. Дюма. Ожерелье королевы.</i>	9.50
<i>Л. Шатуновская. Жизнь в Кремле.</i>	15.00
<i>Н. Хрущев. Воспоминания. Книга 1-я.</i>	12.00
<i>Н. Хрущев. Воспоминания. Книга 2-я.</i>	12.00
<i>В. Буковский. Письма русского путешественника.</i>	12.00
<i>Н. Кичанова-Лифшиц. Прости меня за то, что я живу. Воспоминания о Зощенко, Олеше, Лебедеве, Маршаке и др.</i>	10.00
<i>В. Чалидзе. Победитель коммунизма.</i>	7.00
<i>Р. Орлова. Последний год жизни Герцена.</i>	6.00
<i>Ю. Айхенвальд. Дон Кихот на русской почве.</i>	15.00
<i>Н. Валентинов. Встречи с Лениным.</i>	12.00
<i>Н. Евреинов. История телесных наказаний в России.</i>	15.00
<i>Ответственность поколения.</i>	8.00
<i>Е. Гнедин. Выход из лабиринта.</i>	8.00
<i>Э. Кольман. Мы не должны были так жить.</i>	18.00
<i>П. Новиков. Эрнст Неизвестный: искусство и реальность.</i>	10.00
<i>Грузинские блюда.</i>	6.00

ЗАКАЗЫ ТОЛЬКО ПО ПОЧТЕ

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

<i>И. Миллюков. Воспоминания государственного деятеля.</i> 400 стр.	15.00
<i>З. Фрейд. Толкование сновидений.</i>	15.00
<i>Ф. Ницше. Так говорил Заратустра.</i>	15.00
<i>Б. Рассел. История западной философии.</i>	30.00
<i>С. Киркегор. Наслаждение и долг.</i>	15.00
<i>С. Киркегор. Страх и трепет.</i>	6.00
Панорама современных идей. Перевод с французского под ред. <i>Е. Еткинда.</i>	15.00
Панорама гуманитарных знаний (пер. с франц.)	15.00
<i>Сергей Булгаков. Философия хозяйства.</i>	15.00
Коран. Пер. <i>Крачковского.</i>	20.00
<i>Г. Федотов. Россия и свобода.</i>	15.00
<i>О.И. Мейендорф. Православие в современном мире</i>	12.00
<i>И. Яхот. Подавление философии в СССР (20-30 гг.).</i>	15.00
<i>Б. Вышеславцев. Кризис индустриальной культуры.</i>	15.00
<i>С. Трубецкой. Энциклопедия права.</i>	15.00
Солженицын в Гарварде. Пер. с англ.	15.00
Справочник. Русскоязычный Нью-Йорк.	1.00
<i>М. Фридман. Капитализм и свобода</i> (пер. с англ.)	15.00

Добавьте 50 с за пересылку каждой книги

ХРОНИКА ПРЕСС

- Андрей Сахаров. О стране и мире.* 183 стр., цена - 10.00
Андрей Сахаров. Тревога и надежда. 198 стр., цена -- 8.00
Лидия Чуковская. Открытое слово. 111 стр., цена -- 5.00
Анатолий Марченко. От Тарусы до Чуны. 122 стр., цена 5.00
Михаил Лунин. Сочинения. 175 стр., цена -- 10.00
Валерий Чалидзе. Уголовная Россия. 395 стр., цена -- 12.00
Бenedикт Лившиц. Полугораглазый стрелец.
204 стр., цена -- 8.00
Александр Некрич. Наказанные народы. 170 стр., цена -- 7.00
Мария Ноффе. Одна ночь. 130 стр., цена -- 7.00

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК

К ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ А. Д. САХАРОВА

Редакторы А. Бабенюшев, Р. Лерт и Е. Печуро

Цена 12 долларов.

БЕСТСЕЛЛЕР

Владимир Буковский

И ВОЗВРАЩАЕТСЯ ВЕГЕР...

Цена 12 долларов

KHRONIKA PRESS, 505 Eighth Avenue, New York, NY 10018

